МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА
НАСТАВЛЕНІЯ
УЧАЩИМЪ И УЧАЩИМСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

О БЛАГОПРИЛИЧІИ ВЪ СЛОВѢ. (De apte dicendo).

I. Сколь нужно благоприличіе въ словѣ. II. Прилѣжно вникать въ предметъ нашего слова. III. Избѣгать всякаго хвастовства, и особенно въ Краснорѣчіи. IV. Внимательно смотрѣть 1.) Кто говоритъ; 2.) За кого; 3.) Передъ кѣмъ; 4.) Когда и гдѣ; 5.) О чемъ; 6.) Особливо противъ кого. V. Какъ должно говорить о непріятелѣ, или человѣкѣ подозрительнаго поведенія.

I. Снискавъ, какъ показано въ предъидущей книгѣ, способность сочинять, размышлять и даже говорить предъ судьями, не готовясь, когда потребуетъ надобность, за первое правило положить себѣ надлежитъ наблюдать въ рѣчи всякое благоприличіе: Цицеронъ почитаетъ сіе четвертою принадлежностію совершеннаго слово

выраженія; а я поставляю ее даже необходимостію. Ибо, какъ украшеніе рѣчи бываетъ многообразно и различно, а притомъ иное сему роду, иное другому приличествуетъ, то, ежели не будетъ соотвѣтствовать вещамъ и лицамъ, не только не придастъ достоинства нашей рѣчи, но еще отниметъ всю силу мыслей. Къ чему послужатъ выраженія чистыя, значительныя, избранныя и даже фигурами и сладкозвучіемъ сопровождаемыя, если онѣ не согласуются съ чувствованіями, какія судьѣ внушить хотимъ? Если о дѣлахъ ничтожныхъ станемъ говорить слогомъ высокимъ, о важныхъ низкимъ и краткимъ, о печальныхъ веселымъ, кроткимъ о требующихъ упорнаго настоянія, грознымъ, гдѣ нужны просьбы, уклончивымъ, гдѣ надобна пылкость, или будемъ изъясняться свирѣпо и нагло, гдѣ необходимы вѣжливость и пріятство? Какъ ожерелье, жемчуги и длинная одежда, кои вмѣняются женамъ въ украшеніе, мужамъ же въ безобразіе: такъ равно и торжественное одѣяніе, котораго величественнѣе представить себѣ ничего не льзя, женамъ приличествовать не можетъ.

Сей статьи слегка коснулся Цицеронъ въ третьей книгѣ объ Ораторѣ; но, кажется, все заключилъ въ краткихъ словахъ, сказавъ: *Не всякому дѣлу, не всякому слушателю и лицу, не всякому времени приличенъ одинъ и тотъ же*

родъ рѣчи. И въ книгѣ своей *Ораторъ* о семъ почти не больше изъяснился. Но на первомъ изъ сихъ мѣстъ Л. Крассъ рѣчь свою обращалъ къ великимъ Ораторамъ и Мужамъ ученымъ, слѣдовательно для него довольно было только замѣтить о семъ, какъ о дѣлѣ, имъ всѣмъ извѣстномъ. А на другомъ мѣстѣ Цицеронъ, бесѣдуя съ Брутомъ, свидѣтельствуетъ, что все то собесѣднику его извѣстно, почему и говоритъ съ нимъ коротко; хотя предметъ сей весьма обиленъ, и Философы разсуждали объ немъ всегда обширно. Чтожъ касается до меня, то, принявъ на себя званіе наставника, пишу сіе не столько для имѣющихъ уже таковыя свѣденія, сколько для желающихъ получить оныя: почему и надѣюсь, что не причтется мнѣ въ вину, когда распространюсь о семъ нѣсколько болѣе.

II. Итакъ прежде всего нужно знать Оратору, чѣмъ снискать благосклонность судіи, чѣмъ убѣдить и чѣмъ тронуть его удобнѣе можно: въ каждой части рѣчи имѣть предъ глазами извѣстную цѣль. Онъ не долженъ въ Приступѣ, Повѣствованіи и Доводахъ употреблять словъ старинныхъ, или нововыдуманныхъ, или метафорическихъ; въ Раздѣленіяхъ блистать мѣрными періодами; въ *Эпилогахъ* или Заключеніяхъ держаться слога низкаго, простаго и небрежнаго; не осушать слезъ шутками, гдѣ потребно воз-

будитъ соболѣзнованіе. Ибо всякое украшеніе не столько само собою, сколько пристойнымъ употребленіемъ получаетъ цѣну: не столько смотрѣть надобно на то, что сказать, сколько на то, на какомъ мѣстѣ сказать приличнѣе. Но искуство сохранять благоприличіе въ словѣ основывается не на одномъ словевыраженіи, но зависитъ также и отъ Изобрѣтенія. И дѣйствительно, если слова однѣ имѣютъ въ себѣ толико силы, то что уже сказать о самыхъ вещахъ? О семъ было изложено отъ меня на своемъ мѣстѣ.

Здѣсь же мнѣ нужно показать, что тотъ говоритъ съ истиннымъ благоприличіемъ, кто будетъ въ рѣчи своей смотрѣть не только на пользу, но и на благопристойность. Я знаю, что онѣ часто нераздѣльны: что благопристойно, то почти всегда и полезно: и ничѣмъ другимъ столько судьи не преклоняются къ намъ, и ничто не удаляетъ ихъ отъ насъ, какъ противный сему поступокъ. Однако польза и пристойность согласены быть иногда не могутъ: въ такомъ случаѣ польза должна уступить мѣсто пристойности.

Кто не знаетъ, что Сократу было бы всего легче оправдаться, если бы онъ захотѣлъ прибѣгнуть къ употребительному тогда роду защищенія, то есть, захотѣлъ унизить себя до просьбъ

и моленій предъ судьями и до подробнаго опроверженія взводимыхъ на него преступленій? Но сіе не приличествовало Сократу: почему онъ говорилъ такъ, какъ человѣкъ, почитающій казнь свою за величайшую славу. Ибо сей высокомудрый мужъ вознамѣрился лучше пожертвовать малымъ остаткомъ преклонныхъ лѣтъ, нежели потерять плодъ прежней своей жизни: и когда современники отдавали ему толь мало справедливости, предалъ онъ себя суду потомковъ, и пожертвовавъ поникшею уже къ землѣ старостію, стяжалъ неувядаемую жизнь въ памяти всѣхъ вѣковъ. Итакъ хотя Лизіасъ, знаменитѣйшій того времени Ораторъ, принесъ къ нему сочиненную въ его защищеніе рѣчь; но онъ не хотѣлъ ею воспользоваться, не потому, чтобы не нашелъ ее превосходною, но для того, что почелъ для себя неприличною. Изъ сего одного примѣра явствуетъ, что Ораторъ долженъ имѣть цѣлію хорошо говорить, а не увѣрять, поелику увѣрить иногда бываетъ безчестно. И поступокъ Сократа былъ вреденъ его дѣлу, но, что гораздо почтеннѣе, былъ полезенъ человѣку.

И мы отдѣляемъ здѣсь полезное отъ благопристойнаго, сообразуясь съ принятымъ въ употребленіе образомъ выраженія болѣе, нежели съ точною истиною. А иначе, надлежало бы подумать, что Сципіонъ Африканскій, который рѣ-

шился лучше пойти въ добровольную ссылку: нежели защищать свою невинность противъ подлаго Трибуна народнаго, не понималъ собственной пользы: или П. Рутилій не зналъ своихъ выгодъ, когда говорилъ въ защищеніе свое, почти какъ Сократъ, и когда, презрѣвъ милость Силлы, хотѣлъ лучше остаться въ изгнаніи. Но сіи малыя, для низкихъ душъ толь важныя выгоды, почли сіи великіе мужи, въ сравненіи съ добродѣтелію, презрѣнія достойными: а потому и пріобрѣли вѣчную себѣ славу. Да не унизимъ себя и мы до того, чтобъ ставить за безполезное то, чего не похвалить не можемъ. Но весьма рѣдко встрѣчаются Оратору случаи, гдѣ понадобится соблюсть одно безъ другаго. Впрочемъ почти, какъ я сказалъ, во всякомъ дѣлѣ будетъ тоже самое полезно, что есть благопристойно.

Есть вещи, которыя и всегда и вездѣ совѣтовать, говорить и дѣлать всѣмъ благоприлично, и ни для кого и нигдѣ не зазорны. Но есть другія меньшей важности, и какъ бы среднія между порокомъ и добродѣтелію: онѣ по большей части суть таковы, что однимъ позволительны, а другимъ нѣтъ: или смотря по лицу, времени, мѣсту, дѣлу, больше и меньше, то извиненія, то нареканія достойными казаться должны. А какъ мы говоримъ обыкновенно о дѣлахъ или постороннихъ, или о нашихъ собственныхъ,

то и нужно держаться различнаго образа рѣчи; только не надобно забывать, что многое нигдѣ приличествовать не может.

III. И вопервыхъ всякое хвастовство въ отношеніи къ самому себѣ есть порокъ, и особенно въ Ораторѣ относительно Краснорѣчія: сіе тщеславіе производитъ въ слушателяхъ не только скуку, но даже и отвращеніе. Ибо разумъ нашъ имѣетъ въ себѣ отъ природы нѣчто высокое и надменное: съ трудомъ терпитъ, что выше его. По сему-то мы низшихъ или уклончивыхъ охотнѣе ободряемъ и хвалимъ, поелику тѣмъ какъ бы превосходство наше показываемъ; а коль скоро исчезаетъ соревнованіе, раждается благосклонность. Кто же возносится паче мѣры, тотъ, кажется намъ, презираетъ насъ и унижаетъ: мы воображаемъ, что онъ не столько думаетъ о своемъ возвышеніи, сколько о уничиженіи нашемъ. Отсюда въ слабѣйшихъ зависть, обыкновенный порокъ тѣхъ, кои ни уступить не хотятъ, ни спорить не могутъ: въ искуснѣйшихъ смѣхъ, а въ благоразумныхъ негодованіе возбуждается. И тщеславные чаще всѣхъ обманываются въ хорошемъ о себѣ мнѣніи: истинное же достоинство довольствуется однимъ внутреннимъ цѣны своей чувствіемъ.

За сіе и Цицеронъ довольно былъ порицаемъ, хотя въ рѣчахъ своихъ хвалился болѣе дѣлами

своими, нежели краснорѣчіемъ, по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ своихъ. Да и не безъ причины онъ то дѣлалъ. Ибо или защищалъ тѣхъ, кои способствовали ему въ потушеніи заговора, или боролся съ завистниками своими, отъ которыхъ однако палъ, и за спасеніе отечества подвергся изгнанію: такъ что, говоря о событіяхъ, во время Консульства его бывшихъ, казалось, руководимъ былъ не столько тщеславіемъ, сколько необходимостію защищаться. Въ Краснорѣчіи же отдавалъ онъ полную справедливость своимъ противникамъ, и никогда въ рѣчахъ своихъ не оказывалъ излишняго высокомѣрія. Онъ, приступая говорить за Архію (N. 1.), начинаетъ такъ: *Ежели имѣю я какой-либо даръ слова, то нынѣ чувствую, Судіи, сколь малъ оный и недостаточенъ.* И въ другомъ случаѣ за Квинтія (Pro Quint. n. 4.): *Ибо чѣмъ больше чувствовалъ я мою неспособность, тѣмъ рачительнѣе искалъ помощи въ прилѣжаніи.* Также, когда разсуждаемо было, кого лучше избрать въ обвинители Верреса, его или К. Цецилія, онъ однако показалъ только, что Цецилій не имѣлъ для сего потребнаго дара, и себѣ не присвоивалъ, говоря, что и онъ самъ похвалиться имъ не можетъ, но по крайней мѣрѣ стяжать его всегда старался. Только въ дружескихъ письмахъ или бесѣдахъ, и то подъ чужимъ именемъ, изъявлялъ иногда прямое мнѣніе о своемъ краснорѣчіи.

И я не знаю однако, едва ли не лучше, когда человѣкъ хвалится чѣмъ-либо прямо и открыто: самая простота сего порока дѣлаетъ его сноснѣе, нежели всякая неумѣстная скромность: какъ напримѣръ, когда богатый называетъ себя бѣднымъ, благородный низко рожденнымъ, сильный не имѣющимъ довѣрія, и краснорѣчивый неученымъ вовсе и настоящимъ ребенкомъ. Вотъ самый высокомѣрный родъ похвальбы, и даже для другихъ оскорбительный! Надобно, чтобъ другіе насъ хвалили; а намъ, какъ говоритъ Димосѳенъ, должно краснѣть, когда и другіе насъ хвалятъ.

Я не говорю, чтобы Оратору не было иногда позволительно въ рѣчи коснуться и собственныхъ своихъ дѣяній, какъ сдѣлалъ тотъ же Димосѳенъ, защищая Ктезифонта; однако съ такимъ искуствомъ, что показалъ, будто бы къ тому вынужденъ былъ Есхиномъ, своимъ противникомъ, и всю вину возложилъ на него. И М. Туллій нерѣдко упоминаетъ о уничтоженномъ заговорѣ Катилины, но успѣхъ въ семъ дѣлѣ приписываетъ, то твердости Сената, то провидѣнію боговъ безсмертныхъ. Правда, отражая клеветы завистниковъ и враговъ своихъ, позволялъ онъ себѣ болѣе; ибо надлежало ему опровергать ихъ. Желательно только, чтобъ онъ былъ

поскромнѣе въ сихъ стихахъ, которые не переставали служить подгнетою для злорѣчія:

Cedant arma togae, concedat laurea linguae.

И: *O fortunatam natam me Consule Romam!*

И будто бы Юпитеръ призывалъ его въ совѣтъ боговъ, и будто бы Минерва преподала ему всѣ науки и знанія. На такія тщеславныя выраженія попустился онъ, безъ сомнѣнія, будучи увлеченъ примѣрами нѣкоторыхъ Греческихъ Писателей.

Но какъ Оратору не прилично подобное оказательство въ краснорѣчіи, такъ позволительно иногда и надѣяніе на свое дарованіе и силы. Кто, напримѣръ, слѣдующія выраженія (2. Philip. n. 2.): *Что мнѣ подумать? Презираютъ ли меня? Но ни въ жизни, ни въ довѣріи, каковымъ отъ всѣхъ пользуюсь, ни въ дѣяніяхъ, ни въ сей посредственности ума моего ничего не вижу, что могъ бы презирать Антоній.* И далѣе съ бо́льшею откровенностію прибавляетъ: *Или хотѣлъ онъ спорить со мною въ краснорѣчіи? Это почитаю съ его стороны за одолженіе. Ибо какой предметъ есть полнѣе и обильнѣе, какъ говорить мнѣ за самаго себя, и говорить еще противъ Антонія?*

Не разумно дѣлаютъ и тѣ, кои дѣло, защищаемое ими, съ перваго раза выставляютъ за самое несомнительное, справедливое, увѣряя, что иначе не приняли бы его на свое попеченіе. Ибо судіи не охотно слушаютъ человѣка, предвосхи-

щающаго должность ихъ: да и Ораторъ не можетъ найти между сопротивниками того лестнаго довѣрія, какое Пиѳагоръ имѣлъ между учеными; отъ соперниковъ не услышитъ: *Самъ сказалъ.* Но сіе больше или меньше достойно хулы въ отношеніи къ лицу говорящаго; ибо такую смѣлость извиняютъ нѣсколько лѣта, достоинство, знаменитость: однако и въ сихъ случаяхъ едва ли не лучше таковый утвердительный тонъ съ нѣкоторою умѣренностію, такъ какъ и все прочее, заимствуемое отъ лица самаго Оратора. Цицерону могло бы причесться въ тщеславіе, ежели бы онъ, говоря о своей породѣ, сталъ утверждать, что не должно вмѣнять въ порокъ человѣку происхожденія его отъ всадника Римскаго: но онъ обратилъ сіе еще въ бо́льшую себѣ выгоду, поставивъ достоинство свое на ряду съ достоинствомъ самыхъ судей: *Упрекать, что родился кто отъ Римскаго всадника, ни при васъ, яко судіяхъ, ни при мнѣ, яко защитникѣ, не надлежало обвинителямъ.*

Произношеніе слишкомъ смѣлое, шумливое, гнѣвливое всѣмъ неприлично: а лѣта, достоинство, опытность дѣлаютъ еще непростительнѣе, кто преступаетъ границы благопристойности. Мы видимъ, однако, такихъ вздорныхъ любопрителей, коихъ ни должное почтеніе къ судіямъ, ни уваженіе къ наблюдаемымъ въ судили-

щахъ обрядамъ и порядку обуздать дерзости не могутъ: сіе показываетъ, что они и принимаютъ на себя дѣла, и защищаютъ ихъ безъ всякаго разсудка. Ибо рѣчь бóльшею частію показываетъ нравы Оратора, и сокровенность души обнаруживаетъ совершенно. Греки не безъ причины ввели у себя пословицу: *Кто какъ живетъ, такъ и говоритъ.*

Есть еще пороки унизительнѣйшіе: подлое ласкательство, изысканное шутовство, въ дѣлахъ и словахъ безчиніе, попраніе стыдливости, во всякомъ поступкѣ отверженіе честности и приличія: сіи пороки свойственны по бóльшей части тѣмъ, кои хотятъ быть или слишкомъ угодливы или забавны.

IV. И самый родъ Краснорѣчія не всякому одинаковый приличенъ.

1). Ибо слогъ обильный, смѣлый, стремительный, или возвышенный и рачительно выработанный, старымъ людямъ не столько пристоенъ, какъ слогъ сжатый, краткій, плавный, точный и чистый, словомъ, о какомъ даетъ понятіе Цицеронъ, говоря о себѣ, что *Краснорѣчіе его начинаетъ сѣдѣть:* равно какъ и одежда, блестящая пурпуромъ и червлецомъ, не совсѣмъ подстатъ пожилыхъ лѣтъ человѣку. Въ юношахъ терпимъ слогъ и нѣсколько далѣе мѣры обильный и смѣлый, напротивъ сухій, слишкомъ осто-

рожный и выработанный несносенъ, даже по самой выработкѣ его, яко принужденной; ибо и старческая важность нравовъ въ молодыхъ людяхъ почитается преждевременною.

Слогъ простый приличенъ военнымъ. А тѣ, кои выдаютъ себя за строгихъ Философовъ, (какъ-то нѣкоторые дѣлаютъ), напрасно будутъ искать украшеній, особенно раждающихся отъ движенія страстей, поелику страсти почитаются отъ нихъ пороками. Для сего избраннѣйшія слова, и благозвучное расположеніе оныхъ имъ чужды. Ибо не только веселыя выраженія, каковыя, напримѣръ, читаемъ у Цицерона: *Пустыни и самые камни отвѣтствуютъ голосу:* но и слѣдующія, хотя бóльшей силы исполненныя: *Васъ, Албанскія дубравы и гробницы, васъ, говорю, призываю и вами свидѣтельствуюсь, и васъ, разрушенные алтари, дружественные и равные святилищамъ Римскаго народа:* подобныя выраженія, говорю, отнюдь не приличествуютъ брадатому и пасмурному Философу.

Человѣкъ же государственный и мудрецъ истинный, который посвятилъ себя не пустымъ преніямъ, но управленію и благу Республики, о коей сіи самозванцы Философы ни мало не думаютъ, могутъ смѣло прибѣгнуть ко всѣмъ тѣмъ пособіямъ, коими Ораторъ обыкновенно достигаетъ своей цѣли, когда предположитъ себѣ за

правило ни на что не склонять и не убѣждать, какъ только на честное и справедливое.

Есть родъ Краснорѣчія, исключительно приличный однимъ властителямъ и особамъ высокаго достоинства. Есть также особенный для полководца и человѣка знаменитаго побѣдами и тріумфами: такъ Помпей довольно былъ краснорѣчивъ, когда повѣствовалъ о своихъ подвигахъ. и Катонъ, который во время междоусобной войны самъ себя лишилъ жизни, былъ краснорѣчивый Сенаторъ.

Часто одно и тоже слово въ устахъ у одного почитается откровенностію, у другаго безразсудствомъ, у третьяго наглостію. То, напримѣръ, что говоритъ Терситъ Агамемнону, достойно смѣха: тѣже слова вложи въ уста Діомеду, или подобному ему, будутъ означать великое мужество. *Чтобъ я сталъ почитать тебя за Консула,* сказалъ Л. Крассъ Филиппу, *когда ты не почитаешь меня за Сенатора?* Слова исполненныя благородной смѣлости; однако не отъ всякаго снести ихъ можно. Одинъ Стихотворецъ (Катуллъ) говоритъ, что нимало не заботится о томъ, *бѣлъ или черенъ собою Цезарь:* это безуміе. А если бы Цезарь тоже сказалъ о стихотворцѣ, было бы высокомѣріе. Комики и Трагики должны быть еще осмотрительнѣе въ

наблюденіи пристойности: ибо представляютъ свойства многихъ и различныхъ лицъ.

Такая же осмотрительность потребна была для тѣхъ, кои нѣкогда для другихъ сочиняли рѣчи, и нынѣ нужна для нашихъ Декламаторовъ. Ибо не всегда мы говоримъ, какъ стряпчіе, а бо́льшею частію, какъ истцы. Да и въ тѣхъ самыхъ тяжбахъ, которыя защищать беремъ на себя, тоже приличіе наблюдать надлежитъ: ибо часто представляемъ собою постороннія лица, и говоримъ, какъ бы чужими устами: слѣдовательно и должны давать имъ собственные ихъ характеры и нравы. Иначе П. Клодій, иначе Аппій слѣпецъ, иначе отецъ Цециліевой комедіи, иначе Теренціевой изображается. Какая жестокость въ Ликторѣ Верресовомъ: *Дай столько-то, а безъ того не пущу видѣться съ заключеннымъ?* Какая твердость въ томъ несчастномъ, который подъ жесточайшими ударами вопіялъ только: *Я гражданинъ Римскій?* Влагаемыя Цицерономъ въ заключеніи своей рѣчи слова, сколь достойны такого мужа, который изъ любви къ Республикѣ толикократно воздерживалъ мятежнаго гражданина, и который ковы его разрушилъ своимъ мужествомъ? Словомъ, кромѣ того, что столько же многоразличія во вводныхъ лицахъ, сколько и въ самомъ дѣлопроизводствѣ, но еще и болѣе, поелику въ первомъ

случаѣ заставляемъ чувствовать и говорить дѣтей, женщинъ, цѣлые народы, и даже существа неодушевленныя; при чемъ вездѣ потребно свойственное предметамъ благоприличіе.

2). Таковое же наблюдать должно и въ разсужденіи тѣхъ, чье дѣло защищаемъ. Ибо иначе говорить надобно за одного, иначе за другаго, сообразуясь доброму или худому о каждомъ мнѣнію и расположенію публики, не опуская изъ виду и прежней ихъ жизни. Всего же пріятнѣе въ Ораторѣ человѣколюбіе, снисходительность, кротость, доброжелательство. Не меньше того приличествуетъ честному человѣку оказывать ненависть къ порочнымъ, ревность къ общему благу, преслѣдовать неправды и злодѣянія, словомъ, изъявлять всѣ чувствія справедливости и чести, какъ я сказалъ выше.

3). Нужно разбирать не только, кто и за кого говоритъ, но и передъ кѣмъ. Ибо власть и могущество поставляютъ великую разность между судіями: не одинакимъ образомъ изъяснять можно предъ Государемъ, Градоначальникомъ, Сенаторомъ, человѣкомъ частнымъ, но свободнымъ: совсѣмъ инаго тона требуетъ изложеніе дѣла въ судилищахъ общенародныхъ, нежели споры при разбирательствахъ третейныхъ. Какъ въ тяжбахъ уголовныхъ прилично Оратору показывать *страхъ, безпокойство, заботливость,*

и употреблять всѣ способы, дабы рѣчи своей придать болѣе силы: такъ при сужденіи о маловажныхъ случаяхъ покажется все то неумѣстнымъ; и возбудилъ бы въ слушателяхъ одинъ только смѣхъ, если бы кто, приступая говорить о ничтожномъ дѣлѣ, и сидя предъ частнымъ разбирателемъ, сказалъ съ Цицерономъ: *Не только возмущаюсь духомъ, но и всѣмъ тѣломъ содрогаюсь.*

И кто не знаетъ, что инаго рода Краснорѣчія требуетъ важность Сената, инаго легкомысліе народа? Да и между самыми судіями, степеннымъ внятно и нравится то, а не столь глубокомысленнымъ другое: не того же желаетъ ученый, чего селянинъ и человѣкъ военный. Итакъ надлежитъ иногда понижать слогъ и сокращать рѣчь нашу, дабы не напасть на такого судью, который или насъ понимать, или за нами слѣдовать въ мысляхъ не можетъ.

4). Время и мѣсто надобно также принимать въ разсужденіе. Ибо и времена бываютъ то веселыя, то печальныя, то свободныя, то затруднительныя. Всему тому сообразоваться долженъ Ораторъ. И каждое мѣсто требуетъ особеннаго приличія: великая разность говорить всенародно и частно, на мѣстѣ для всякаго открытомъ, или же уединенномъ, въ чужомъ городѣ и въ своемъ собственномъ, въ воинскомъ

станѣ и на площади народной. При каждомъ изъ сихъ обстоятельствъ, потребенъ свой родъ и свой образъ Краснорѣчія, поелику и въ прочихъ дѣяніяхъ жизни одно и тоже дѣлать пристойно на площади, въ Сенатѣ, въ полѣ, на театрѣ, въ домѣ; поелику многое, само по себѣ незазорное, и даже иногда необходимое, почитается постыднымъ, когда совершается не тамъ, гдѣ позволяетъ обычай.

5). Мы уже сказали на своемъ мѣстѣ, что сочиненія, къ роду *Доказательному* относящіяся, какъ имѣющія въ виду наиболѣе удовольствіе слушателей, могутъ невозбранно быть украшаемы болѣе, нежели рѣчи *Совѣтовательныя* и *Судебныя*, которыя обыкновенно состоятъ изъ споровъ и преній.

Прибавимъ еще, что есть нѣкоторыя и притомъ величайшія красоты рѣчи, къ коимъ однако, по состоянію, положенію дѣла, прибѣгать не должно. Кому, напримѣръ, покажется сноснымъ, если бы подсудимый, при опасности лишиться головы, и особливо защищаясь предъ побѣдителемъ и государемъ, вздумалъ говорить метафорами, словами нововыдуманными или взятыми изъ старинныхъ писателей, слогомъ выше обыкновеннаго употребленія, мѣрными періодами, исполненными отборныхъ и блестящихъ мыслей? Такимъ образомъ разцвѣченная рѣчь

не отниметъ ли у подсудимаго видъ опасенія и болѣзнованія, толико ему нужный и пристойный, и возбудитъ ли къ нему жалость, которая служитъ помощію и самой невинности? Кого тронетъ участь такого человѣка, который, при толь сомнительномъ и печальномъ случаѣ, съ такимъ хвастовствомъ и высокомѣріемъ выставляетъ свое краснорѣчіе? По истинѣ, никого: произведетъ даже негодованіе тѣмъ самымъ, что гоняется за пышными выраженіями, старается блеснуть умомъ, и что имѣетъ и показываетъ, что ему ничто не мѣшаетъ быть краснорѣчивымъ. Сіе весьма хорошо понималъ М. Целій, и къ тому принаровился въ рѣчи, говоренной въ свое защищеніе, когда обвиняли его въ насиліи: да не покажется кому либо изъ васъ, судіи, и изъ предстоящихъ здѣсь моихъ обвинителей, что ни есть оскорбительнаго въ расположеніи духа или на лицѣ моемъ, или неумѣреннаго въ голосѣ, или наконецъ что ниесть дерзкаго въ тѣлодвиженіяхъ моихъ, и проч.

Говорятся въ судахъ и такія рѣчи, которыхъ содержаніемъ есть или удовлетвореніе между тяжущимися сторонами, или просьбы и признаніе вины въ чемъ-либо: тогда подвигнешь ли на жалость острыми мыслями и узорочными выраженіями? Преклонишь ли судью Епифонемами и Ентимемами? Все, что ни прибавишь

къ скорбнымъ чувствованіямъ, не уменьшитъ ли силы ихъ? Надѣянность виновнаго не истребитъ ли сожалѣнія о его участи? Ежели бы, напримѣръ, случилось отцу говорить о смерти своего сына, или о обидѣ тягчайшей и самой смерти, то не уже ли станетъ онъ искать красотъ и пріятностей въ своемъ повѣствованіи? Доволенъ будучи краткимъ и сильнымъ изложеніемъ дѣла, будетъ ли по пальцамъ высчитывать доводы свои, и погонится ли за искусными оборотами предложеній и раздѣленій? И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не изъявитъ ли душевнаго волненія стремительными выраженіями? Куда дѣвалась бы печаль его? На чемъ остановились бы слезы? Откуда взялось бы толь спокойное и внимательное наблюденіе правилъ Краснорѣчія? Рѣчь его съ начала до конца не будетъ ли походить на нѣкое стенаніе, и на лицѣ его не сохранится ли во все время видъ печали, если хочетъ скорбь свою перелить въ души слушателей? Одна минута разстановки въ ничто обратитъ первыя въ судахъ впечатлѣнія.

Сіе особенно наблюдать нужно Декламаторамъ (ибо и ихъ охотно включаю въ число юношей, наставленіе коихъ принялъ я на свое попеченіе); поелику въ училищахъ большею частію излагаются предметы выдуманные, гдѣ мы представляемъ истцевъ болѣе, нежели стряпчихъ, и

слѣдовательно бываемъ свободнѣе въ израженіи нашихъ чувствованій. Предположимъ, въ образецъ суднаго дѣла, случай, будто бы нѣкій несчастный проситъ у Сената позволенія лишить себя жизни, или по причинѣ великаго бѣдствія, нестерпимо гнѣтущаго духъ его, или ради заглажденія какого ни есть злодѣянія, раздирающаго его совѣсть: тогда не только произносить слова на распѣвъ, какъ обыкновенно произносятся Декламаціи, или сыпать повсюду цвѣты и украшенія, но ниже углубляться въ доводы иначе неприлично, какъ развѣ при смѣшеніи сильныхъ душевныхъ движеній, и то такъ, чтобъ движенія сіи и въ самыхъ доказательствахъ видны были. Ибо кто, говоря, можетъ печаль свою удерживать, заставляетъ думать, что ему не трудно и вовсе отложить оную.

6). Однако не знаю, не больше ли наблюденіе сей пристойности потребно въ отношеніи къ лицамъ, противъ которыхъ говоримъ. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ обвинительныхъ дѣйствіяхъ надлежитъ прежде всего показывать видъ, будто бы къ нимъ не охотно приступаемъ. Почему весьма не нравится мнѣ сіе Кассія Севера восклицаніе: *О благіе боги, я еще живъ, и, что всего пріятнѣе въ жизни моей, Аспрената нахожу виновнымъ!* Ибо здѣсь видно, что не любовь къ справедливости, или необходимость

заставили его сдѣлаться доносителемъ, но одно желаніе обвинить. Кромѣ того однако, общаго правила, нѣкоторыя дѣла и сами по себѣ требуютъ особенной умѣренности или смягченія. Напримѣръ, сынъ, ищущій управлять имѣніемъ отца своего подъ собственнымъ именемъ, долженъ болѣзновать о разстроенномъ здоровьѣ родителя: отцу, имѣющему на сына неудовольствіе, прилично показывать скорбь о сей бѣдственной для него необходимости, и изъяснять сіе не въ краткихъ словахъ, а такъ, чтобы изъ всей рѣчи видно было, что то у него не на языкѣ только, но и на сердцѣ. Равно и опекуну непристойно возставать на своего питомца до той крайности, чтобы слѣдовъ нѣжности не оставалось, и священная память объ отцѣ его казалась вовсе отринутою....

Здѣсь почитаю за нужное прибавить еще статью, по истинѣ самую затруднительную: то есть, какимъ образомъ иныя вещи, которыя по существу своему непріятны, не очень пристойны, и о которыхъ бы мы лучше умолчать хотѣли, если бы то было въ нашей волѣ, могутъ быть выражаемы безъ предосужденія говорящимъ. Что можетъ быть противнѣе честному человѣку, какъ видѣть и слышать сына съ собственною матерью тяжущагося лично или чрезъ повѣренныхъ? До сего однако доводитъ иногда нужда.

какъ случилось по дѣлу Клуенція Авита; но не всегда можно поступать такъ, какъ поступилъ Цицеронъ, говоря противъ Сассіи: не всегда можно брать за образецъ рѣчь Цицерона противъ Сассіи: я говорю сіе не потому, будто бы Цицеронъ отступилъ здѣсь отъ свойственной ему ловкости, но чтобы показать, чѣмъ и съ какой стороны наноситъ оскорбленіе матери. Когда она явно искала головы сына своего, то и надлежало отражать ея намѣреніе всѣми силами. Тутъ оставалось Цицерону тронуть двѣ нѣжнѣйшія струны, въ чемъ онъ и успѣлъ удивительнымъ образомъ. Вопервыхъ, ему надобно было сохранить должное къ родителямъ почтеніе: во вторыхъ, изложеніемъ всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣла совершенно увѣрить судей, что онъ постыдные поступки обнаружитъ не только долженъ, но и необходимо принужденъ былъ. И онъ начинаетъ съ первой статьи, хотя казалась она совсѣмъ непринадлежащею къ настоящему дѣлу. Столько-то почиталъ за нужное, даже въ дѣлѣ затруднительномъ и запутанномъ, помышлять прежде всего о соблюденіи благоприличія! Итакъ имя матери обратилъ въ поношеніе не сыну, но ей самой.

Можетъ однако мать имѣть иногда тяжбу съ сыномъ въ дѣлѣ не столь важномъ и не столь ненавистномъ: тогда защищающемуся приличенъ

тонъ рѣчи кроткій и почтительный. Ибо показывая готовность къ удовлетворенію, или уменьшаемъ ненависть къ себѣ, или обращаемъ ее на противную сторону: и ежели сынъ покажетъ явно свое болѣзнованіе, то почтется невиннымъ, и возбудитъ о себѣ сожалѣніе. Можно также относить вину и на другихъ, предполагая, что мать сія доведена до такой прискорбной крайности по наущенію людей злонамѣренныхъ: можно увѣрять, что все снесемъ безъ роптанія и не наруша сыновняго почтенія, дабы и тогда, когда бы и ничего сказать въ оправданіе свое не имѣли, судьямъ казалось, что сдѣлать того не хотимъ. А еслибъ и нужно было прибѣгнуть къ возраженіямъ, то должность стряпчаго есть внушить судьямъ, что онъ дѣлаетъ сіе противъ воли сына, по долгу своего званія. Такая уловка доставитъ похвалу тому и другому. Что сказалъ я о матери, тоже и объ отцѣ разумѣть надобно. Ибо я знаю, что между отцами и сыновьями случались тяжбы, коль скоро послѣдніе достигали совершеннолѣтія.

Туже умѣренность наблюдать должно въ разсужденіи прочихъ родственниковъ: стараться подать о себѣ мнѣніе, что и тяжемся съ ними противъ воли своей, по необходимости, и что не выступаемъ изъ границъ должнаго къ нимъ почтенія, которое соразмѣряется степени род-

ства и уваженія, приличнаго каждому изъ нихъ. Тоже правило для отпущенниковъ въ отношеніи къ ихъ прежнимъ властелинамъ. И короче сказать, ни въ какомъ случаѣ не годится поступать съ сими лицами съ такой непристойностію, каковой мы сами отъ людей того же состоянія равнодушно снести бы не могли.

Подобное же уваженіе оказывается иногда къ чинамъ и высокимъ званіямъ: нуженъ достаточный предлогъ нашей смѣлости, дабы не сочли насъ или дерзкими оскорбителями оныхъ, или напыщенными славолюбіемъ, которое не уважаетъ постановленныхъ въ обществѣ отличій. Для сего Цицеронъ, хотя могъ весьма сильно говорить противъ Коты, безъ чего даже Оппія защитить не льзя было, прибѣгъ однако къ разнымъ окольнымъ оговоркамъ, чтобы извинить необходимость, въ какой по долгу Оратора находился. Иногда надобно щадить или паче наставлять нисшихъ, особенно же молодыхъ людей. Цицеронъ въ рѣчи за Целія противъ Атратина былъ столько снисходителенъ, что кажется, будто не какъ врага уличаетъ, а какъ почти сына обращаетъ совѣтами къ должности. Ибо Атратинъ былъ и молодъ, и благороднаго происхожденія, и доносителемъ сдѣлался по неудовольствію довольно справедливому.

Но въ такихъ случаяхъ, гдѣ или отъ судей или отъ слушателей надѣемся умѣренностію снискать одобреніе, встрѣчается меньше затрудненія: большая заботливость предстоитъ тамъ, гдѣ самыхъ тѣхъ, противъ кого говоримъ, оскорбить опасаемся. Цицерону, когда надобно ему было защищать Мурену, встрѣтились двѣ вдругъ такого рода особы, М. Катонъ и Сервій Сульпицій. Однако съ какою благопристойностію и вѣжливостію, приписавъ Сульпицію всѣ добродѣтели, отнялъ право къ полученію Консульства? Что можно великодушнѣе снести человѣку высокаго рода и искуснѣйшему правовѣдцу, какъ снесъ Сульпицій ту надъ собою побѣду? Съ какимъ благородствомъ извиняетъ себя въ томъ, что самъ же онъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Сульпиція противъ чести Мурены, говоря, что не такъ должно поступать при осужденіи на смерть! Какую же осмотрительность, какую искусную ласку выставляетъ противъ Катона: удивляется высокому уму его, и старается показать, что излишнюю строгость его надлежитъ отнести болѣе къ духу Стоической секты, нежели къ недостаткамъ души его; казалось, будто не судебное состязаніе между ими происходило, а простый разговоръ о какомъ нибудь частномъ предметѣ.

Итакъ самое лучшее средство и вѣрнѣйшее правило есть взять себѣ за образецъ сего великаго мужа: ежели хочешь отнять нѣкоторую выгоду у соперника, не оскорбивъ его, уступи ему все прочее; согласись, что онъ только въ семъ одномъ не такъ искусенъ, какъ во всемъ другомъ, прибавивъ, ежели можно, и причину, почему: или выставь его нѣсколько упрямымъ, или легковѣрнымъ, или опрометчивымъ, или отъ другихъ подущеннымъ. Есть еще для тяжебныхъ дѣлъ общее пособіе: ежели вся рѣчь наша будетъ ознаменована и честностію и благодушіемъ; сверхъ сего, когда и оскорбимъ кого, чтобъ это было по самой справедливой и законной причинѣ; и чтобъ видно было, что мы дѣйствуемъ не только умѣренно, но и по самой необходимости.

V. Встрѣтиться можетъ и противнаго рода затрудненіе, которое однакожъ преодолѣть гораздо легче, и именно, когда надобно будетъ похвалить какое ни есть доброе дѣяніе въ человѣкѣ, или съ худой стороны въ обществѣ извѣстномъ, или намъ лично ненавистномъ. Ибо хорошее, въ какомъ бы то лицѣ ни было, всегда похвалы достойно. Цицеронъ защищалъ Габинія и П. Ватинія, съ которыми былъ нѣкогда въ непримиримой враждѣ, и противъ которыхъ писалъ даже рѣчи. Но онъ признавался, что дѣло того и

другаго такъ справедливо, что требуетъ отъ него не ума, а только вѣрнаго изложенія. Для него затруднительнѣе было говорить за Клуенція, поелику необходимо надлежало сдѣлать виновнымъ Скамандра, коего защищалъ прежде. Но весьма благоразумно отклонилъ отъ себя нареканіе, возложивъ первый поступокъ на докуку людей, его къ тому побудившихъ, и на свою молодость: а иначе, болѣе лишился бы довѣрія, если бы признался, что принялъ на себя, безъ всякаго размышленія, защищать людей виновныхъ, и особливо въ дѣлѣ подозрительномъ.

Судью же, который, или ради посторонней или ради своей выгоды, въ дѣлѣ, защищаемомъ нами, беретъ участіе, труднѣе увѣрить, за то говорить предъ нимъ найдемъ болѣе удобности. Тогда можемъ притвориться, что мы, полагаясь на его правосудіе больше, нежели на правость дѣла, ничего не боимся: симъ тронемъ его любочестіе, и внушимъ ему, что тѣмъ славнѣе будетъ его безпристрастіе и прямодушіе, чѣмъ менѣе станетъ думать или о мщеніи, или о своей пользѣ.

Равно, когда перенесенное въ другое Судилище дѣло обратится къ прежнимъ судьямъ, надобно опираться или на необходимость принятой нами мѣры, если найдемъ поводъ къ сей оговоркѣ, или на недоразумѣніе наше, или на

мнимое подозрѣніе. Итакъ всего надежнѣе признаніе ошибки, раскаяніе и удовлетвореніе: словомъ, надлежитъ употребить всѣ средства, дабы судьѣ негодовать на насъ было уже стыдно.

Не рѣдко случается также, что тоже дѣло, на которое приговоръ послѣдовалъ, вновь пересматривается: тогда можемъ говорить вообще, что предъ другимъ судьею мы не стали бы возражать на его рѣшеніе; ибо перемѣнять чужое мнѣніе другому непристойно: потомъ извлечемъ, ежели можно, изъ самаго дѣла особенныя причины, какъ то опущеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, или неявку свидѣтелей, или (чего однакожъ съ великою осторожностію и уже въ совершенной крайности касаться должно) неосмотрительность и нераденіе стряпчихъ...

Можетъ случиться, что надобно порицать въ другомъ то, чѣмъ насъ самихъ укорять можно: какъ укоряетъ Туберонъ Лигарія тѣмъ, что былъ въ Африкѣ... По истинѣ не знаю, какъ лучше поступить въ такомъ случаѣ, ежели не найдется въ извиненіе наше чего нибудь въ разности лица, лѣтъ, времени, причины, мѣста, намѣренія. Туберонъ говоритъ, что находился при своемъ отцѣ, который былъ посланъ отъ Сената въ Африку не для военныхъ дѣйствій, но для закупки хлѣба: что онъ, коль скоро встрѣтилась возможность, оттуда выѣхалъ: а Лигарій

тамъ остался, принялъ сторону не Помпея, у коего съ Цезаремъ былъ споръ о первенствѣ, хотя оба ничего не умышляли противъ Республики, а присоединился къ Юбѣ и Африканцамъ, непримиримымъ врагамъ Римскаго народа. Впрочемъ легче обвинить чужій проступокъ чрезъ признаніе собственной въ томъ же погрѣшности. Но это будетъ дѣло уже судіи, а не погрѣшившаго. Когда же не останется намъ никакого извиненія, тогда и одинъ видъ раскаянія произведетъ немалое дѣйствіе. Ибо тотъ покажется довольно исправившимся, кто возненавидитъ то, въ чемъ прежде погрѣшалъ самъ...

Я уже показалъ, говоря о шуткахъ, коль постыдно упрекать кого-либо низкою породою или бѣдностію, также поносить какія нибудь цѣлыя сословія или племена и народы. Однако должность защитника Оратора иногда заставляетъ по нуждѣ говорить вообще противъ одного рода людей, какъ, напримѣръ, противъ отпущенниковъ, или воиновъ, или откупщиковъ и имъ подобныхъ. Въ такомъ случаѣ главное пособіе давать замѣтить, что если говоримъ что нибудь оскорбительное, то говоримъ неохотно; при томъ же не надлежитъ вычислять всего, что сказать объ нихъ худаго можно, а нападать на то, что относится къ нашему предме-

пу; и охуждая въ нихъ одно, другое напротивъ похвалить должно.

Ежели изображаешь солдата корыстолюбиваго, жаднаго къ пріобрѣтеніямъ, то скажешь, что сему и удивляться не надобно, поелику онъ за перенесенныя опасности и пролитую кровь присвояетъ себѣ большія, нежели получаетъ, награды. Ежели онъ не спокоенъ и дерзокъ, то и сіе припишешь привычкѣ жить болѣе по солдатски, нежели какъ прилично мирному гражданину. Когда оспориваешь дѣйствительность свидѣтельства отпущенника, можешь однако отдать справедливость рачительной службѣ, которая доставила ему свободу отъ рабства.

Что касается до народовъ чужеземныхъ, Цицеронъ поступалъ различно. Ослабляя довѣріе къ свидѣтельству Грековъ, отдавалъ имъ преимущество въ наукахъ и художествахъ: и показывалъ явно приверженность свою къ сему народу. Сардинецъ презираетъ Аллоброговъ, какъ враговъ, ненавидитъ: въ рѣчахъ его все сіе было на своемъ мѣстѣ, и вездѣ соблюдено благоприличіе.

Непріятное въ вещахъ можно умѣрять выраженіями: человѣка жестокаго назови слишкомъ строгимъ; несправедливаго, заблуждающимся во мнѣніи; упрямаго, безъ мѣры привязаннымъ къ своему предмету: дѣлай такъ, чтобъ ихъ можно

было привести въ разсудокъ самымъ разсудкомъ: сей способъ есть кротчайшій и иногда успѣшнѣйшій.

Кромѣ того скажу, что все излишнее неприлично: и потому хотя иное само по себѣ и хорошо, но потеряетъ свою цѣну, когда не будетъ сохранена мѣра. Наблюденіе сего зависитъ болѣе отъ вкуса, нежели отъ правилъ: не льзя опредѣлить въ точности, чѣмъ можетъ довольствоваться ухо: нѣтъ на сіе, такъ сказать, ни мѣры, ни вѣсу: ибо какъ въ яствахъ, иныя бываютъ сытнѣе, нежели другія.

Къ сему въ короткихъ словахъ прибавлю еще то, что совершенства въ Краснорѣчіи многоразличны, и имѣютъ, каждое, не только своихъ приверженцевъ, но часто и отъ нихъ всѣ похваляются. Ибо Цицеронъ на одномъ мѣстѣ пишетъ, что главное совершенство состоитъ въ томъ, когда изъясняется кто нибудь такъ, что почтетъ за нетрудное тоже самъ сдѣлать, однако отнюдь не успѣетъ. А на другомъ мѣстѣ, что онъ старался говорить не такъ, какъ бы всякъ вообразилъ, что и самъ подобно говорить можетъ, но такъ, чтобы никто того не подумалъ. Показаться можетъ, что Цицеронъ самъ себѣ противорѣчитъ: однако то и другое справедливо; разница только въ предметѣ и способѣ: ибо простота и какъ бы небрежность непри-

нужденной рѣчи удивительнымъ образомъ приличествуетъ тяжбамъ малозначущимъ: высокій же и величественный слогъ болѣе пристоенъ въ случаяхъ важныхъ и торжественныхъ. Цицеронъ въ обоихъ сихъ родахъ превосходенъ: невѣжды думаютъ, что въ одномъ подражать ему могутъ, а умные и то и другое почитаютъ неподражаемымъ.

ГЛАВА II.

О ПАМЯТИ. (Memoria).

I. Память дается отъ природы, и поддерживается искуствомъ. II. Симонидъ, изобрѣтатель искуственной памяти. III. Способъ, при томъ наблюдаемый. IV. Предлагаются простѣйшіе способы. V. Раздѣленіе и порядочное расположеніе наиболѣе способствуютъ памяти.

I. Нѣкоторые полагаютъ, что память есть даръ одной природы; и нѣтъ сомнѣнія, что отъ нея много зависитъ: но она, какъ и всѣ другія дарованія, получаетъ еще бо́льшую силу отъ нашего собственнаго раченія: и все, о чемъ мы доселѣ ни говорили, было бы тщетно, если бы прочія части, составляющія Оратора, не содержались памятію, какъ нѣкимъ животворнымъ духомъ. Ибо всякое наставленіе ею сохраняется; и мы учились бы напрасно, когда бы слышанное только что мимо ушей пролетало: дѣятельность сей способности доставляетъ то оби-

ліе примѣровъ, законовъ, отвѣтовъ, достопамятныхъ изрѣченій и дѣяній, коими обогащаться и имѣть ихъ въ готовности на всякой случай, долженъ Ораторъ. И не безъ причины называется она сокровищницею Краснорѣчія.

Но Оратору, имѣющему на рукахъ много судныхъ дѣлъ, потребна не одна твердая память: ему нужна еще легкая скорость передавать ей предметы: и не только написанное удерживать въ головѣ, посредствомъ повтореннаго чтенія, но даже въ томъ, о чемъ только размышлялъ, сохранять надлежащую связь между вещами и словами, не забывать ничего съ противной стороны сказаннаго, и опровергать все то въ должномъ порядкѣ, излагая каждую мысль на своемъ приличномъ мѣстѣ. Сія-то сила души, по мнѣнію моему, дѣлаетъ насъ способными говорить, не готовясь. Ибо между тѣмъ, какъ говоримъ объ одномъ, надобно помышлять еще, о чемъ сказать слѣдуетъ: такимъ образомъ мысль наша всегда несется далѣе настоящаго, и что̀ ей встрѣтится, то все какъ бы на сохраненіе препоручаетъ памяти, а она, какъ бы третья посторонняя рука, принятое отъ *Изобрѣтенія* передаетъ *Слововыраженію*.

Но я не почитаю за нужное входить здѣсь въ дальное разсужденіе, что такое есть память, и изъ чего состоитъ она. Многіе думаютъ, что

она составляется изъ нѣкоторыхъ слѣдовъ, въ мозгу нашемъ впечатлѣнныхъ и сохраняющихся въ ней на подобіе изображеній печатей, къ воску приложенныхъ. Но я не могу повѣрить, чтобы и слабость и твердость памяти зависила отъ тѣлеснаго сложенія.

Я болѣе удивляюсь свойствамъ ея въ отношеніи къ душѣ: событія давнишнія и почти забытыя представляются и возобновляются въ умѣ нашемъ не только тогда, когда припомнить объ нихъ стараемся, но когда и не думаемъ, не только на яву, но и во снѣ еще болѣе: даже животныя неразумныя помнятъ, узнаютъ, и мы видимъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ приходятъ на жилища, гдѣ пребывать сдѣлали привычку. Такъ можно ли не дивиться сей странности, что самое новое забываемъ, а давно прошедшее помнимъ? Что дѣлали вчера, выходитъ изъ памяти, а что случалось съ нами въ дѣтствѣ, сохраняемъ? Чего ищемъ, то отъ насъ скрывается, а о чемъ и не думаемъ, само собою представляется? И по чему память не всегда постоянна, иногда теряется, и опять къ намъ возвращается?

Однако мы не знали бы еще всей силы ея и божественнаго свойства, если бы Краснорѣчіе не обнаруживало ихъ передъ нами. Ибо посредствомъ памяти Ораторъ не только въ мысляхъ,

но и въ словахъ, соблюдаетъ порядокъ: не малое, а почти безконечное число предметовъ соображаетъ между собою, и при самыхъ продолжительныхъ рѣчахъ скорѣе истощится терпѣніе слушателя, нежели ослабѣетъ память говорящаго.

А сіе самое служитъ доказательствомъ, что есть искуство и средство помочь Природѣ: ибо при наукѣ удобнѣе дѣлаемъ то, чего безъ нея и упражненія сдѣлать не можемъ. Хотя Платонъ и утверждаетъ, что употребленіе письмянъ вредитъ памяти; поелику то, что напишемъ, какъ будто бы вѣрный запасъ на случай откладываемъ, и обнадѣясь на сіе, часто объ немъ забываемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, чтобы памяти весьма много не помогало напряженіе разума, и пристальное, такъ сказать, на предметы смотрѣніе. Отъ чего и бываетъ, что написанное не вспѣхъ, въ разные пріемы, для выучки наизусть, впечатлѣвается въ умѣ гораздо тверже отъ самой привычки размышлять о томъ.

II. Симонидъ слыветъ первымъ изобрѣтателемъ искуства помогать памяти. Вотъ какая басня о семъ носится: Симонидъ написалъ, по обыкновенію, стихи въ честь одержавшаго побѣду въ кулачномъ бою на играхъ Олимпійскихъ; цѣна была условленная, но въ половинѣ оной ему отказано по тому, что онъ, по обычаю Стихотворцевъ, отъ предмета своего весьма часто

обращался съ похвалами къ Кастору и Поллуксу; другую же половину велѣно ему требовать отъ тѣхъ, чьи прославлялъ подвиги, и онъ былъ, какъ повѣствуетъ преданіе, дѣйствительно отъ нихъ удовлетворенъ. Ибо когда побѣдитель, въ ознаменованіе своей радости сдѣлалъ великолѣпное пиршество, къ коему приглашенъ и Симонидъ; во время стола сказываютъ сему послѣднему, что два юныхъ всадника желаютъ съ нимъ немедленно видѣться: и хотя онъ ихъ уже не нашелъ, но ихъ благодарность къ нему оказалась на самомъ дѣлѣ. Ибо лишь только переступилъ черезъ порогъ, какъ храмина обрушилась, подавила пиршествовавшихъ и такъ ихъ обезобразила, что родственники, пришедшіе погребсти ихъ, не только лицъ, но и членовъ между подавленными разобрать не могли. Тогда, сказываютъ, Симонидъ, въ точности припомнивъ порядокъ, въ какомъ кто находился за столомъ, отдалъ тѣла каждое своему.

Повѣствователи сего произшествія не согласны между собою, для кого именно сочинены были помянутые стихи, въ честь Главку ли Каристію, или Леократу, Атапарху, или же Скопѣ; неизвѣстно даже, гдѣ сей домъ находился, въ Фарсалахъ ли, какъ самъ Симонидъ намекаетъ, и какъ Аполлодоръ, Ератосѳенъ, Евфоріонъ и Еврипилъ Ларисскій пишутъ: и въ Кранонѣ (что

въ Ѳессаліи), какъ утверждаетъ Каллимахъ, мнѣнію коего послѣдовалъ Цицеронъ, и тѣмъ болѣе разпространилъ сію сказку. Многіе принимаютъ за быль, что Скона, благородный Ѳессалянинъ, погибъ на томъ пиршествѣ, что тогда же лишился жизни и племянникъ, сынъ сестры его: и полагаютъ, что большая часть носившихъ сіе названіе произошли отъ помянутаго Скопы, который былъ всѣхъ древнѣе. Мнѣ же все сіе повѣствованіе о Тиндаридахъ кажется баснословнымъ: да и самъ Стихотворецъ о томъ нигдѣ не упоминаетъ; а иначе, умолчалъ ли бы о такомъ произшествіи, которое служитъ къ его чести и славѣ?

III. Изъ сего дѣйствія Симонида видно, что память вспомоществуется извѣстными, въ умѣ запечатлѣнными событіями; въ чемъ можетъ всякъ увѣриться собственнымъ своимъ опытомъ. Когда, напримѣръ, по прошествіи довольнаго времени, куда-либо возвращаемся, не только самыя мѣста узнаемъ, но приводимъ себѣ на память, что тамъ дѣлали и кого видѣли, даже мысли тогдашнія нерѣдко опять приходятъ въ голову. Итакъ искусство, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, родилось отъ опыта, какъ обыкновенно бываетъ.

Для пріобрѣтенія таковаго искусства, подражатели Симонида вотъ что дѣлаютъ: избираютъ мѣста, сколько можно, самыя пространныя,

примѣчательныя по великому разнообразію предметовъ, какъ, напримѣръ, какой нибудь обширный домъ, расположенный на многія отдѣленія; и ко всему, что̀ ни встрѣчается глазамъ отмѣннаго въ немъ, всматриваются съ величайшимъ вниманіемъ, дабы послѣ всѣ части его, безъ всякаго труда и мгновенно, можно было пробѣжать мыслію. Итакъ первая забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы ни мало не запинаться въ представленіи себѣ видѣнныхъ вещей. Ибо сіи понятія должны тѣмъ глубже запечатлѣваться въ разумѣ, что ими и другія въ немъ поддерживаются.

Потомъ, что напишутъ, или мысленно въ головѣ расположатъ, дѣлаютъ для себя знакъ, который бы напоминалъ имъ о томъ. Сей знакъ есть или вещь, принадлежащая къ предмету, о коемъ говорить хотятъ, или одно какое нибудь слово; ибо и однимъ словомъ можно забытое привести опять на память. Такъ, напримѣръ, намѣреваясь говорить о мореплаваніи, выбираютъ знакомъ якорь; о войнѣ, какое нибудь оружіе.

Мѣста и знаки свои располагаютъ такъ: первую часть своей рѣчи назначаютъ для прихожей, вторую для зала; послѣ обходятъ всѣ покрытыя отъ дождя и свѣтъ имѣющія мѣста, не только спаленъ или гостинныхъ, но даже до-

мовыхъ уборовъ и тому подобнаго не оставляютъ безъ назначенія.

Послѣ сего, когда надобно о чемъ нибудь вспомнить, снова пересматриваютъ всѣ мѣста, и какъ бы отбираютъ опять то, что каждому изъ нихъ ввѣрено: образъ сихъ предметовъ служитъ имъ увѣдомительнымъ знакомъ: такъ что сколь ни велико число понятій, которыя привести на память должно, всѣ онѣ имѣютъ непрерывную связь между собою; сіе самое и пособляетъ имъ соединять безошибочно предъидущее съ послѣдующимъ, лишь только бы не было сдѣлано погрѣшности при замѣчаніи мѣстъ.

Что сказано мною о домѣ, тоже дѣлать можно на урочищахъ общенародныхъ, въ прогулкахъ, на картинахъ, и ходя за городомъ. Въ случаѣ недостатка существенныхъ замѣтокъ, ничто не мѣшаетъ предполагать себѣ и воображательныя.

Итакъ потребно множество мѣстъ и существенныхъ и воображаемыхъ, и множество знаковъ или предположенныхъ въ умѣ замѣтокъ. Знаки или замѣтки служатъ къ замѣчанію того, что намъ припомнить нужно, и мы, какъ говоритъ Цицеронъ, *можемъ употреблять мѣста въ замѣнъ воску, на коемъ пишемъ, а замѣтки въ замѣнъ буквъ.* Для большей ясности приведу собственныя его слова: (2. de Orat. 358.) „*Должно,*

„для сего употребленія, избирать мѣста многія, „видныя, удобопримѣтныя, не въ дальнемъ раз„стояніи одно отъ другаго находящіяся: знаки „же дѣлать такіе, кои бы изображали какое ни„есть дѣйствіе живо, сильно, такъ чтобъ легко „представиться уму и поразить его могли.“ Почему я крайне удивляюсь, какимъ образомъ нашелъ Метродоръ въ двѣнадцати знакахъ Зодіака триста шестьдесятъ мѣстъ. Сіе показываетъ одно тщеславіе въ человѣкѣ, который, хвастая своею памятью, хотѣлъ выставить свою необычайную точность болѣе, нежели самую истину?

Я не говорю, чтобы сей искуственный способъ нигдѣ пригодиться не могъ: употребить его можемъ тогда, когда многія имена захотимъ пересказать въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ слышали: ибо мы опредѣляемъ симъ именамъ извѣстныя мѣста, слову *столъ*, напримѣръ, назначаемъ прихожую, слову *постеля*, внутреннюю комнату, и такъ далѣе: потомъ каждое слово находимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему быть положили, и всѣ наконецъ произносимъ, не нарушая въ нихъ прежняго порядка. И ежели справедливо то, что расказываютъ о Гортензіи, который, бывъ при одной авкціонной продажѣ вещей, могъ послѣ пересказать наизусть и названія вещей проданныхъ и цѣну ихъ, и имена покупщиковъ,

какъ будто бы все сіе рачительно записывалъ: можетъ быть, употребилъ такое же пособіе.

Но поможетъ ли это, когда понадобится цѣлую рѣчь наизусть выучить? Ибо образъ вещей не одинаковъ съ образомъ мыслей, которыя совершенно произвольны, однакожъ тѣ и другія находятся у насъ въ предметѣ. Да и можно ли симъ способомъ сохранить въ рѣчи тоже расположеніе словъ? Не говорю уже, что есть слова, коихъ никакимъ изображеніемъ представить не льзя, какъ то нѣкоторыхъ союзовъ. Пусть будутъ у насъ, какъ и у пишущихъ одними знаками, вѣрныя изображенія и безчисленныя мѣста, посредствомъ которыхъ можно представить всѣ слова, находящіяся въ пяти рѣчахъ втораго доноса на Верреса: пусть вспомнимъ все, что ни положили, какъ бы для сохранности, на своемъ мѣстѣ: но не затруднится ли, по необходимости, наша память сугубымъ усиліемъ и искать слова и сохранять надлежащую связь въ нихъ? Ибо какъ можно, чтобъ текли онѣ плавно и безостановочно, если надобно при каждомъ словѣ смотрѣть на каждый образъ и на каждое мѣсто? По чему, пусть Карнеадъ и упомянутый мною Метродоръ останутся при своемъ способѣ, который, по свидѣтельству Цицерона, имъ удавался: мы предложимъ простѣйшій.

IV. Если хочешь длинную рѣчь знать наизусть, то лучше выучивать ее по частямъ; сіе много облегчаетъ память; только бы части сіи не были слишкомъ малы: а иначе, число ихъ безъ мѣры увеличится, и память, развлекшись, можетъ пропустить нужное. Для сего не льзя показать точнаго правила, но стараться должно, чтобы всякая статья содержала въ себѣ полный смыслъ, ежели она не такъ длинна, что и сама не требовала бы раздѣленія. При томъ нужно наблюдать и небольшія остановки, дабы расположеніе и связь словъ частымъ размышленіемъ удержать удобнѣе въ памяти, и наконецъ переходя отъ одной части къ другой, связать ихъ въ томъ же порядкѣ, какой имѣть должны.

А чтобъ лучше ихъ упомнить, не безполезно дѣлать при всякой статьѣ нѣкоторыя замѣтки, которыя, представляясь глазамъ, приводили бы на память, о чемъ говорить слѣдуетъ. Ибо нѣтъ почти человѣка толь слабопамятнаго, который бы всегда забывалъ, для чего гдѣ какой знакъ положитъ: да и при всей своей забывчивости, все еще можетъ найти въ сихъ замѣткахъ немалое пособіе.

Не безполезенъ и тотъ способъ, о коемъ упоминали мы, говоря о мѣстахъ, то есть, ставить знаки тамъ, гдѣ что нибудь нужное пропущено, напримѣръ, нарисовать якорь, когда о

мореплаваніи, копье, когда о сраженіи говорить надобно. Знаки сіи весьма много пособляютъ, поелику одна мысль раждаетъ другую: какъ, напримѣръ, перстень, переложенный на другой палецъ, или на томъ же иначе вздѣтый, напоминаетъ намъ о причинѣ, по которой такая перемѣна сдѣлана нами.

Еще тверже укореняется въ памяти, когда понятіе, которое удержать хотимъ, возобновляется другимъ подобнымъ ему понятіемъ: какъ напримѣръ, въ именахъ, если надобно вспомнить, о какомъ ниесть Фабіи, то представимъ себѣ того знаменитаго *Медлителя* (Cunctator), коего забыть невозможно, или кого нибудь изъ своихъ пріятелей, который тѣмъ же именемъ называется. А при нѣкоторыхъ именахъ, каковы суть Аперъ, Урсисъ, Назонъ, Криспъ, еще удобнѣе сдѣлать сіе, только надобно помнить, откуда онѣ заимствованы. Первообразныя слова также помогаютъ удерживать въ памяти производныя, какъ имена Цицерона, Верріа, Авреліа, если въ томъ будетъ надобность.

Но ничто такъ не облегчаетъ память, какъ выучивать свое сочиненіе по той же бумагѣ, на коей оно написано. Ибо, говоря потомъ наизусть, идемъ по слѣдамъ нашей памяти, и какъ бы глазами смотримъ не только на страницы, но на самыя строки, и мы подобимся человѣку,

просто читающему. Если и случится помарка или поправка или какая нибудь перемѣна, то есть извѣстные знаки, смотря на которые погрѣшить не можемъ.

Есть и еще способъ, хотя довольно похожій на искуственный, о коемъ говорено выше, но гораздо удобнѣйшій и дѣйствительнѣйшій, какъ я дозналъ собственнымъ опытомъ, выучивать, молча, свое сочиненіе. И подлинно сіе средство было бы здѣсь, какъ и при искуственномъ облегченіи памяти, самое лучшее, ежели бы разумъ нашъ, оставшись тогда какъ бы безъ дѣйствія, не былъ развлекаемъ почасту другими помышленіями; для сего-то и нужно возбуждать его вниманіе голосомъ, дабы память поддерживалась двоякимъ впечатлѣніемъ, словомъ и слухомъ. Но надобно, чтобъ голосъ сей былъ умѣренъ, тихъ, и болѣе походилъ на шепотъ. Выучивать же что нибудь наизусть, заставляя читать себѣ другаго, какъ иные дѣлаютъ, съ одной стороны неуспѣшно и невыгодно потому, что зрѣніе есть чувство живѣйшее чувства слышанія: а съ другой, и принести пользу можетъ тѣмъ, что, разъ или два услышавъ читаемое, можемъ тотчасъ испытывать свою память, и со чтецомъ своимъ равняться въ исправности. И дѣйствительно, нужно иногда дѣлать надъ собою такіе опыты; ибо при непрерывномъ чтеніи, и то, что твер-

же, и то, что слабѣе остается въ памяти, равно пропускаемъ. А испытывая себя показаннымъ образомъ, бываемъ и внимательнѣе, и время напрасно не теряемъ, которое употребляемъ обыкновенно на повтореніе и всего того, что уже знаемъ и помнимъ: надобно повторять только тѣ мѣста, которыя еще забываются, дабы частымъ повтореніемъ утвердились въ памяти: хотя обыкновенно случается отъ сего самаго, что забытыя-то мѣста наиболѣе затверживаются. Для бо́льшихъ же успѣховъ и въ сочиненіи и въ выу́чиваніи наизусть сочиненнаго, весьма много способствуютъ крѣпкое здоровье, вареніе желудка и умъ, не занятый другими посторонними помышленіями.

V. Но къ скорѣйшему выучиванію того, что напишемъ, и къ удобнѣйшему удержанію въ памяти того, о чемъ только размышляли, наиболѣе способствуютъ правильное Раздѣленіе и Сочиненіе, исключая однако упражненіе, которое служитъ еще вѣрнѣйшимъ пособіемъ.

Ибо кто надлежащимъ образомъ раздѣлитъ рѣчь свою, тотъ никогда не ошибется въ порядкѣ вещей: поелику не только въ расположеніи предметовъ, но даже и въ образѣ изложенія ихъ есть извѣстныя постепенности, то есть, само собою представляется, что̀ прежде, что̀ потомъ и послѣ сказать надобно, ежели отъ естествен-

наго и прямаго хода не уклонимся: и тогда всѣ части въ рѣчи будутъ имѣть такую между собою связь, что ни отнять ни прибавить ничего не можно, безъ видимой разстройки. Сказываютъ, что Сцевола, играя однажды (*) въ шахматы, и отъ перваго неудачнаго выходу, потерявъ игру, вспомнилъ, ѣдучи въ деревню, весь порядокъ въ переставкѣ шашекъ, воротился съ дороги къ тому, съ кѣмъ игралъ, и подробно доказалъ ему, гдѣ и какъ онъ ошибся; что тотъ и самъ призналъ за истину. Итакъ, когда порядокъ, наблюденіе коего зависитъ отъ воли двухъ лицъ, имѣетъ такую силу, то не уже ли въ рѣчи, будучи нами же самими постановленъ, произведетъ меньше дѣйствія?

Ясное и точное Изложеніе своею правильностію также помогаетъ памяти. Какъ стихи выучиваемъ скорѣе, нежели прозу: такъ и прозу связную, плавную удерживаемъ въ умѣ легче, нежели небрежную и нескладную. Отъ сего случается, что и сказанное даже безъ приготовленія, слово въ слово иногда повторяемъ: при посредственной моей памяти, со мной самимъ бывали такіе случаи, что принужденнымъ видѣлъ

(*) Въ подлинникѣ стоитъ: *in lusu duodecim scruporum.* Это была игра, въ которой употребляли 12 малыхъ и плоскихъ камешковъ: она походила на шахматную, только требовала гораздо труднѣйшаго соображенія.

себя повторять снова иную часть рѣчи моей, когда кто нибудь изъ заслуживающихъ подобное уваженіе слушателей, приходилъ послѣ въ Собраніе. Что то истина, ссылаюсь въ семъ на самовидцевъ.

Но если спросятъ меня, какое жъ самое лучшее и дѣйствительнѣйшее средство изощрять память. Я скажу, что то трудъ и упражненіе: много выучивать, много размышлять, и если можно, каждодневно; вотъ въ чемъ состоитъ все дѣло! Ничто такъ не укрѣпляется стараніемъ, и ничто такъ не слабѣетъ отъ нерадѣнія, какъ память. Для сего надлежитъ, какъ я уже сказалъ, заставлять дѣтей, еще съ первыхъ лѣтъ возраста, выучивать наизусть, сколько можно, болѣе: да и во всякомъ возрастѣ, кто хочетъ изострить память, долженъ преодолѣть трудъ и скуку, непрестанно перебирать и пересматривать, что ни напишетъ и что ни прочитаетъ, и туже пищу, такъ сказать, пережевывать.

А дабы трудъ сей сдѣлать легче, сперва надобно выучивать по немногу, и что нибудь не скучное, веселое: потомъ ежедневно прибавлять по нѣскольку строчекъ; такимъ образомъ приращеніе труда будетъ нечувствительно; наконецъ привычка доставитъ способность идти далѣе и далѣе къ совершенству. Для сего начинать должно со Стихотворцевъ, а тамъ прини-

маться за Ораторовъ, напослѣдокъ брать нѣчто и изъ Писателей, коихъ слогъ не такъ легокъ и заманчивъ, какъ Риторическій, и не такъ близокъ къ обыкновенной рѣчи; таковъ, напримѣръ, слогъ у Правовѣдцевъ. Ибо чѣмъ труднѣе вещи, которыя служатъ къ нашему упражненію, тѣмъ легче становятся тѣ предметы, для достиженія коихъ упражняемся: какъ Атлеты пріучаются держать въ рукахъ свинцовыя тяжести, хотя съ пустыми и голыми выходятъ сражаться.

Не умолчу и о томъ, что доказывается вседневными опытами; то есть, что люди, у которыхъ разумъ не очень живъ и дѣятеленъ, забываютъ скоро самыя свѣжія произшествія. Удивительно, и не легко показать причину, сколько силы прибавляется, чрезъ одну ночь прибавляется памяти; или память отдыхаетъ въ теченіи сего времени, которая сама себѣ препятствуетъ собственнымъ усиліемъ; или созрѣваетъ и спѣетъ воспоминаніе, какъ часть, наиболѣе ее поддерживающая: тѣже самыя понятія, которыхъ вдругъ въ умѣ сообразить было не льзя, на другой день въ полной связи приходятъ; и память наша укрѣпляется тѣмъ временемъ, которое почитается обыкновенно орудіемъ забвенія. Напротивъ, люди съ живымъ и скорымъ понятіемъ бываютъ по бо́льшей части весьма забывчивы: у нихъ память, исправивъ, такъ ска-

зать, вдругъ свое дѣло, о будущемъ не заботится, и какъ отпущенныя на волю ихъ оставляетъ. Почему и не дивно, что то тверже въ умѣ запечатлѣвается, надъ чѣмъ мы трудимся болѣе.

Отъ такого различія умовъ раждается вопросъ. Слово ли въ слово долженъ Ораторъ выучивать свое сочиненіе, или только стараться помнить одну сущность и порядокъ мыслей: сего рѣшить, безсомнѣнія, не можно общимъ отвѣтомъ.

Ибо если память мнѣ позволитъ и достанетъ времени, то не хотѣлъ бы я опустить ни одного слога изъ написаннаго: а иначе, и писать былъ бы трудъ излишній. И особенно съ юныхъ лѣтъ, а потомъ рачительнымъ упражненіемъ надлежитъ пріучать свою память къ таковой точности, дабы мы не привыкли все себѣ прощать. По сему мнѣ кажется неприличнымъ имѣть нужду въ напоминателяхъ (*) (monitores), или непрестанно заглядывать въ тетрадку: отъ такой худой привычки раждается небреженіе; ибо всякой о себѣ думаетъ, что уже довольно хорошо вытвердилъ рѣчь свою, когда не боится что либо пропустить. А какъ можетъ случиться противное, то и прерывается стремитель-

(*) Асконій замѣчаетъ, что худые Ораторы имѣли нѣкогда такихъ напоминателей или суфлеровъ.

ность слова, вся рѣчь дѣлается неровною, шероховатою, нестройною; и Ораторъ походитъ на выучивающаго свое сочиненіе болѣе, нежели на говорящаго къ слушателямъ; самая лучшая рѣчь теряетъ свою пріятность даже и тѣмъ, что показываетъ явно, что была приготовлена. Твердая память примется за знакъ остроты и присутствія духа: расторопность наша отнесется къ настоящей минутѣ, а не къ долговременному приготовленію: что весьма выгодно и для Оратора и для защищаемаго имъ дѣла. Ибо судья въ такомъ случаѣ удивляется болѣе нашей изворотливости, нежели сколько не довѣряетъ разставленнымъ для уловленія его хитростямъ обдуманнаго краснорѣчія. Нужно даже иныя мѣста, какъ бы онѣ хорошо расположены и связаны ни были, произносить съ нѣкоторою умышленною запинкою; показывать видъ, что еще объ нихъ размышляемъ, хотя уже все то мы дома приготовили. Изъ сего всякъ заключить можетъ, что лучше затверживать слово въ слово, когда готовимся о чемъ нибудь говорить торжественно.

Если же у кого слаба память, или недостанетъ для сего времени, то не безполезно удерживать всякое слово; поелику забывъ одно, легко можно непріятнымъ образомъ смѣшаться, или и вовсе замолчать. Всего надежнѣе и вѣрнѣе

прежде со всякимъ раченіемъ обдумывать предметъ свой, предоставляя себѣ полную свободу выражать его словомъ. Ибо, и не хотя, теряемъ избранное нами выраженіе, и не скоро другимъ его замѣняемъ, когда станемъ искать того, которое на письмѣ употребили. Но и сіе средство слабой памяти не пособитъ, если кто не пріобрѣлъ нѣкоторой способности говорить, не готовясь. А ежели кто ни того, ни другаго въ себѣ не находитъ, такому совѣтую лучше совсѣмъ не брать на себя судныхъ дѣлъ, и, когда имѣетъ какія либо дарованія въ Словесности, обратить на письменныя занятія. Но такая несчастная тупость ума рѣдко встрѣчается.

Впрочемъ, сколько можетъ обнять память, природою дарованная и стараніемъ нашимъ усовершенная, свидѣтельствомъ служитъ Ѳемистоклъ, который, какъ извѣстно, говорить по Персидски въ одинъ годъ совершенно научился: сказываютъ, и Митридатъ зналъ двадцать два языка, коими говорили подвластные ему народы: и Крассъ, сей богатый Римлянинъ, когда начальствовалъ въ Азіи, умѣлъ на пяти діалектахъ или нарѣчіяхъ Греческаго языка отвѣчать каждому просителю на собственномъ его нарѣчіи: и Киръ, какъ повѣствуютъ Историки, помнилъ имена всѣхъ своихъ воиновъ: и Ѳеодектъ прочитывалъ по великому множеству стиховъ,

хотя бы одинъ разъ ихъ услышалъ. Увѣряютъ, что и нынѣ есть подобные люди, но мнѣ самому быть свидѣтелемъ не случалось: однако надобно сему вѣрить, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ не потерять надежды достигнуть равнаго успѣха.

ГЛАВА III.

О ПРОИЗНОШЕНІИ. (Pronuntiatio).

I. Какая сила заключается въ Произношеніи. — Оно требуетъ природныхъ дарованій и нашего собственнаго старанія. — Раздѣляется на голосъ и тѣлодвиженіе. II. Въ голосѣ наблюдается естественность и благоприличіе. — Чѣмъ усовершается голосъ. III. Голосъ, какъ и выговоръ, долженъ быть 1) чистъ, 2) ясенъ, 3) пріятенъ, 4) пристоенъ, т. е. приспособленъ къ вещамъ, о которыхъ говоримъ. IV. О тѣлодвиженіи. — О каждой части тѣла, къ тому относящейся. — Объ одеждѣ и о всей наружности Оратора. V. Произношеніе, какъ въ движеніи тѣла, такъ и въ голосѣ, должно быть соотвѣтственно и вещамъ и лицамъ. — Здѣсь смотрѣть надобно 1) на родъ дѣла, 2) на части рѣчи, 3) на достопамятныя изрѣченія, 4) на самыя слова. VI. Не всякому Оратору приличествуетъ одно и тоже, что и другому. — Во всемъ потребна мѣра.

I. Произношеніе, по бо́льшей части, называется Дѣйствіемъ. Но первое названіе взято,

кажется, отъ голоса, и другое отъ тѣлодвиженія. Ибо и Цицеронъ называетъ Дѣйствіе индѣ какъ бы родомъ, а индѣ какимъ-то краснорѣчіемъ тѣла. Однако даетъ ему тѣже двѣ части, изъ которыхъ состоитъ Произношеніе: голосъ и движеніе. Почему того и другаго названія держаться можно.

Но самая вещь въ удивительную власть и силу облекаетъ Оратора. Ибо не столько дѣйствія производитъ красота слога, сколько произношеніе, поелику всякъ поражается по мѣрѣ того, какъ слышитъ. Посему никакое доказательство, приводимое Ораторомъ, не можетъ быть такъ твердо, чтобы не потеряло своей силы, если не будетъ поддержано искуснымъ произношеніемъ. Необходимо послѣдуетъ охлажденіе въ чувствованіяхъ, когда ни въ голосѣ, ни въ лицѣ, ниже во всей наружности тѣла, не будетъ для нихъ подгнеты. Да и при семъ еще счастье наше, когда тотъ жаръ можемъ вдохнуть и судіямъ! Показывая же въ самихъ себѣ хладнокровіе и безпечность, ни мало не тронемъ ихъ, и не выведемъ изъ того положенія, въ какомъ должно содержать ихъ наше безстрастіе.

Доказательствомъ сему служатъ комедіанты, которые наилучшимъ твореніямъ придаютъ столько красоты, что мы ихъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ слушаемъ, нежели читаемъ, и кото-

рые обращаютъ иногда вниманіе наше и на самыя дурныя, такъ что, не заслуживая мѣста ни въ какой библіотекѣ, на театрѣ нерѣдко представляются. Ежели въ случаяхъ, о коихъ за подлинно знаемъ, что они выдуманы и подложны, произношеніе имѣетъ такую силу, что можетъ возбуждать смущеніе, гнѣвъ и извлекать слезы, то не разительнѣйшее ли дѣйствіе произведетъ при обстоятельствахъ истинныхъ и наше къ себѣ довѣріе снискавшихъ?

Даже смѣло сказать могу, что и посредственная рѣчь, будучи поддержана всѣми силами Дѣйствія, произведетъ въ слушателяхъ больше впечатлѣнія, нежели самая превосходная, но сего пособія лишенная. И Димосѳенъ, когда его спрашивали, какая первая и главная часть въ Красноречіи, Произношенію отдалъ преимущество; и на вопросы, какая вторая, какая третья, все отвѣчалъ тоже, доколѣ не перестали его спрашивать: онъ давалъ, кажется, чрезъ то подразумѣвать, что Произношеніе почиталъ не главною только, но и единственною частію. По сей причинѣ учился оному у славнаго Комедіанта Андроника, съ такимъ прилѣжаніемъ, что, когда Родяне удивлялись его рѣчи, Есхинъ, который произнесъ ее, справедливо сказалъ имъ: *А что, ежели бы вы самаго его слышали?* Цицеронъ также великую силу приписывалъ Дѣй-

ствію: имъ болѣе, нежели Краснорѣчіемъ, по словамъ его, прославился Лентулъ: имъ К. Гракхъ, оплакивая смерть брата своего, исторгъ слезы у всего народа Римскаго: имъ паче сильны были Антоній и Крассъ, въ особенности же Гортензій; и сіе вѣроятно по тому, что сочиненія последняго не соотвѣтствуютъ высокой его славѣ, хотя долго почитался онъ первымъ между Ораторами своего времени, былъ потомъ соперникомъ Цицерону, и подъ конецъ жизни своей занималъ по крайней мѣрѣ второе мѣсто: изъ сего видно, что у него были въ дѣйствіи тѣ отмѣнныя красоты, которыхъ, читая его, не находимъ. И по истинѣ, когда слова сами собою имѣютъ свою значительность, и голосъ сообщаетъ силу свою мыслямъ, когда и состояніе или движеніе тѣла не безъ выразительности, то должно чему нибудь составиться совершенному, и удивительно, когда все то соединено вмѣстѣ.

Есть однако люди, кои произношеніе простое, безъискуственное, какое только внушаетъ природное стремленіе духа, почитаютъ сильнѣйшимъ и приличнѣйшимъ мужу: но это тѣ же самые люди, кои и рачительность, и искуство, и красоту, и все, что ни пріобрѣтается наукою, какъ выисканное и не естественное въ Краснорѣчіи, отмещутъ; или тѣ, кои грубостію выра-

женій и самаго голоса, какъ, по сказанію Цицерона, дѣлалъ Л. Котта, выставляютъ себя за подражателей Древнимъ. Пусть они останутся при своей безхлопотной увѣренности, воображая, что, дабы сдѣлаться Ораторомъ, довольно уже родиться только человѣкомъ: да извинятъ они трудъ, предпріятый нами; мы не находимъ ничего превосходнаго тамъ, гдѣ природѣ не помогаетъ наше собственное тщаніе.

Я охотно соглашаюсь, что сама природа надѣляетъ насъ прежде своими дарами. Безъ сомнѣнія, не можетъ хорошо произносить тотъ, у кого нѣтъ большой способности упомнить, что напишетъ, или говорить на всякой случай, не приготовясь, или кто будетъ имѣть неисправимые недостатки въ выговорѣ. Тѣло также быть можетъ обезображено до того, что никакое средство исправить его не сильно. Даже и голосъ, ежели слабъ или несвободенъ, будетъ всегдашнимъ помѣшательствомъ въ хорошемъ Дѣйствіи. Ибо голосъ нуженъ пріятный, твердый и послушный нашей волѣ: если онъ противенъ или слабъ, то не льзя съ благопристойностію ни возвышать его, ни дѣлать приличныхъ восклицаній: а еще наводитъ намъ другія неудобства: заставляетъ то не кстати понижать, то отклоняться, и облегчать утружденную грудь отвратительнымъ разпѣвомъ. Но мы здѣсь гово-

римъ о такомъ Ораторѣ, который можетъ воспользоваться нашими наставленіями.

А поелику Дѣйствіе, какъ я сказалъ, раздѣляется на двѣ части, на голосъ и тѣлодвиженіе, изъ которыхъ первый дѣйствуетъ на слухъ, а другое на зрѣніе, чрезъ которыя два чувства всѣ страсти проницаютъ въ душу: то прежде будемъ говорить о голосѣ, къ коему приспособляется и тѣлодвиженіе.

II. Надобно вопервыхъ знать, какой имѣешь голосъ, вовторыхъ, умѣть владѣть имъ.

Свойство голоса разбирается по количеству и качеству. Количество его просто: онъ вообще бываетъ или громокъ или слабъ; но между сими двумя крайностями есть много среднихъ родовъ, и какъ къ низу до верху, такъ и обратно, есть много степеней. Качество же разнообразнѣе. Ибо есть голосъ свѣтлый и сиповатый, полный и тонкій, плавный и грубый, короткій и протяжный, отрывистый и поводливый, чистый и охриплый. Переведеніе духа также бываетъ и длиннѣе и короче. Я не почитаю за нужное здѣсь изслѣдывать, какъ и отъ чего все сіе происходитъ: нѣтъ надобности вникать, различіе ли органовъ, коими принимается воздухъ, служащій къ составленію голоса, или различіе тѣхъ проводныхъ каналовъ, чрезъ кои онъ выходитъ, какъ чрезъ трубы духоваго музыкальнаго орудія, есть

тому причиною; или то принадлежитъ къ особенному его свойству; или наконецъ зависитъ измѣненіе его отъ твердости груди, или отъ напряженія головы. Ибо всѣ сіи причины дѣйствуютъ совокупно, а не порознь; поелику не только уста, но и самыя ноздри, чрезъ которыя также исходитъ часть голоса, придаютъ извѣстную пріятность. Надобно только, чтобы отъ сего разнообразнаго содѣйствія причинъ раждались звуки согласные, и слухъ услаждающіе.

Употребленіе голоса многоразлично. Ибо, кромѣ обыкновеннаго раздѣленія его на тонкій, густый, поводливый, нужны бываютъ тоны или наклоненія въ голосѣ то стремительныя, то плавныя, то возвышенныя, то пониженныя, равно и разстановки или медленныя или скорыя; но и между сими разностями есть много другихъ не столь ощутительныхъ, которыя можно назвать средними въ отношеніи къ прочимъ: и какъ лице, состоящее изъ малаго числа частей, способно къ безчисленнымъ измѣненіямъ, такъ и голосъ, хотя имѣетъ мало отличій, которыя поименовать можно, но которыя разнообразятся между собою до безконечности: и сіе столь же легко постигается ухомъ, какъ черты лица различаются глазомъ.

И голосъ, такъ, какъ и всѣ природныя дарованія, стараніемъ улучшается, а небреженіемъ

теряется. Хотя къ сохраненію онаго не приличны Оратору тѣ же средства, какія записный пѣвецъ употребляетъ, однако есть много и общаго между обоими: какъ, напримѣръ, нужна крѣпость тѣла и Оратору, дабы голосъ его не походилъ своею тонкостію на голосъ скопца, или женщины, или человѣка больнаго. Къ чему много способствуетъ благовременная прогулка, опрятность, воздержаніе и удаленіе отъ всякаго излишества. Кромѣ того, необходимо, чтобы и гортань была въ хорошемъ расположеніи, т. е. чиста и гибка; безъ чего голосъ бываетъ дрожащъ, прерывистъ, невнятенъ. Ибо какъ флейта, надуваемая однимъ духомъ, издаетъ такой звукъ, когда заложишь скважины, и совсѣмъ иный, когда ихъ откроешь, иный, если она нечиста, и еще иный, если надломлена: такъ и гортань раздутая дѣлаетъ голосъ неровнымъ, давитъ его, толстая неяснымъ, сухая дребезкимъ, неровная дрожащимъ, подобно звуку испорченнаго духоваго инструмента или орудія. Голосъ также раздѣляется и раздробляется отъ всякаго противостоящаго тѣла, какъ и малыя проточины воды однимъ камешкомъ возмущаются и разводятся порознь: онѣ хотя опять сходятся скоро между собою, однако оставляютъ нѣкую рытвину ниже того мѣста, гдѣ встрѣтили себѣ сопротивленіе. Равно и влажность гортани пре-

пятствуетъ голосу, а сухость совсѣмъ его истребляетъ. Ибо неумѣренное движеніе не только вдругъ дѣйствуетъ на тѣла, но и на будущее время слѣды своего поврежденія оставляетъ.

Хотя же, какъ музыкантамъ, такъ и Ораторамъ нужно упражненіе, которымъ улучшается и сохраняется голосъ: однако способы сіи не могутъ быть одного и того же рода. Ибо не льзя человѣку должностному, занятому разными дѣлами, опредѣлить извѣстнаго времени для своихъ прогулокъ; ни имѣть столько досуга, чтобъ непрестанно перебирать всѣ тоны голоса съ низшаго до высшаго; ниже успокоиться отъ трудовъ своихъ, когда многія дѣла приметъ на свое попеченіе. Ему и въ пищѣ не можно наблюдать такой же умѣренности; поелику голосъ его долженъ быть не столько нѣженъ и тонокъ, сколько твердъ и силенъ: и дѣйствительно самые высокіе тоны умѣряетъ музыкантъ посредствомъ пѣнія; Ораторъ же часто принужденъ бываетъ говорить съ жаромъ и стремительностію, цѣлыя ночи проводить безъ сна и глотать дымъ отъ своего ночника, а днемъ оставаться въ мокрой отъ поту одеждѣ. По чему и не надобно пещися объ одной нѣжности голоса, и пріучать его къ тому, чего сохранить не льзя на долгое время: стараніе объ немъ должно сообразоваться съ его употребленіемъ; не надле-

жить оставлять его въ бездѣйствіи, но нужно укрѣплять упражненіемъ и навыкомъ, коими всякое затрудненіе преодолѣвается.

Для такого упражненія всего лучше избирать и выучивать (ибо говорящему, не готовясь, некогда думать о голосѣ; сіе воспрепятствовало бы ему слѣдовать движеніямъ, предметомъ его внушаемымъ), выучивать, говорю, изъ разныхъ какихъ нибудь сочиненій такія мѣста, которыя требуютъ и возвышенныхъ, и перемѣнныхъ и свободныхъ, и въ просторѣчіи употребляемыхъ измѣненій голоса, дабы все сіе вдругъ служило упражненіемъ. Сего будетъ довольно: а иначе, нѣжный и береженый голосъ не вынесетъ труда, къ коему не сдѣлалъ привычки, какъ тѣла Атлетовъ, привыкшія въ Палестрахъ къ намащеніямъ, хотя вышедъ на борьбу, кажутся намъ здоровыми и сильными, но въ военныхъ дальнихъ походахъ, при ношеніи тяжестей, на трудныхъ и долговременныхъ стражахъ, скоро изнемогутъ и потребуютъ обыкновенныхъ своихъ пособій. Но кому покажется сносно, если я здѣсь помѣщу наставленія, какъ предостерегать себя отъ солнечнаго блеску и зною, отъ вѣтру, отъ дождя и сырости? Ежели надобно будетъ говорить подъ открытымъ небомъ, на солнцѣ, или въ вѣтреную и дождливую погоду, или въ день жаркій, то не уже ли подсудимаго оставить безъ

защипы, которую мы на себя взяли? Ибо я не думаю, чтобы кто, не потерявъ разсудка, вздумалъ говорить въ многолюдномъ собраніи, пресытившись за столомъ или напившись допьяна, хотя нѣкоторые и на сіи обстоятельства предписываютъ свои правила.

Но вообще, и не безъ причины, всѣ совѣтуютъ, рачительно беречь голосъ дѣтей при переходѣ ихъ изъ отроческаго возраста въ юношескій; поелику тогда онъ обыкновенно измѣняется не отъ жару, какъ иные думали (ибо есть возрастъ, въ коемъ у человѣка кровь бываетъ еще жарчѣе); но, по мнѣнію моему, болѣе отъ влаги, которой и дѣйствительно въ нихъ находится весьма много. По чему и ноздри и грудь въ то время разширяются, и все какъ будто первые ростки пускаетъ, и по своей нѣжности скорѣе повредиться можетъ.

Но возвратимся къ нашему предмету. Когда уже голосъ нашъ установится и утвердится, я полагаю, что для упражненія онаго, лучше всего стараться вседневно произносить изустно что нибудь такъ, какъ бы мы говорили въ судѣ и при многолюдномъ собраніи. Ибо чрезъ сіе не только голосъ и грудь у насъ укрѣпляются, но и наружная осанка и тѣлодвиженіе припоравливаются къ рѣчамъ нашимъ.

III. Произношеніе должно имѣть тѣ же качества, какія и въ рѣчи потребны: надобно, чтобъ оно, какъ и рѣчь, было правильно, ясно, красиво, пріятно, пристойно.

1.) Правильно будетъ, то есть, безъ порока и недостатковъ, если выговоръ будетъ свободенъ, чистъ, плавенъ, вѣжливъ: то есть, когда не будетъ въ немъ ничего грубаго или иностраннаго. И не безъ причины говорятъ, что Варвара отъ Грека легко отличить по одному произношенію. Ибо распознаемъ людей по выговору такъ, какъ монету по звуку. Отсюда родится то сладкорѣчіе, которое похваляетъ Енній въ Цетегѣ, и которое совсѣмъ противно тому, что охуждаетъ Цицеронъ въ нѣкоторыхъ Ораторахъ, кои, по словамъ его, лаютъ, не говорятъ. Бываютъ многія погрѣшности въ выговорѣ, какъ я означилъ въ первой книгѣ (стр. 59 и 66) сего сочиненія, когда показывалъ, какимъ образомъ надлежитъ учить дѣтей произносить слова: я считалъ, что приличнѣе было упомянуть о сихъ недостаткахъ, говоря о возрастѣ, въ коемъ они еще могутъ быть исправлены.

Итакъ самый голосъ, вопервыхъ, долженъ быть цѣлъ и невредимъ, такъ сказать, во всѣхъ своихъ частяхъ, то есть, не страдать тѣми недостатками, о коихъ мы выше говорили: вовторыхъ, чтобъ не былъ ни глухъ, ни грубъ, ни стра-

шенъ, ни жестокъ, ни пришворенъ, ни толстъ, ни слишкомъ тонокъ, или тихъ, или пронзителенъ, слабъ, нѣженъ подобно женскому: наконецъ, чтобъ дыханіе было легко, свободно, не коротко, и возобновлялось безъ затрудненія.

2). Произношеніе будетъ явственно, ежели, вопервыхъ, станемъ выговаривать цѣлыя слова точно, твердо, не съѣдая и не ослабляя нѣкоторыхъ, или не скрадывая послѣднихъ слоговъ, хватая только первые, какъ-то многіе обыкновенно дѣлаютъ. Но сколько нужна явственность словъ, столько же непріятно и противно опираться на каждую букву, и какъбы пересчитывать одну за другою. Ибо и гласныя весьма часто сливаются вмѣстѣ, и нѣкоторыя изъ согласныхъ отъ послѣдующей гласной измѣняютъ свой собственный звукъ. Я уже привелъ того и другаго примѣръ (стр. 179.): *Multum ille et terris.* Также избѣгать надобно стеченія грубыхъ и трудныхъ для выговора буквъ, которыя потому и перемѣняются въ иныя, какъ то въ *pellexit* и *collexit*, и проч. По сей причинѣ и славится Катулъ выборомъ пріятныхъ и легкихъ буквъ.

Во вторыхъ, надлежитъ раздѣлять всѣ части рѣчи между собою, то есть, чтобы тотъ, кто говоритъ, зналъ помѣщать каждую изъ нихъ тамъ, гдѣ должно, или гдѣ какою начинать и оканчивать должно. Надобно также наблюдать,

на какомъ мѣстѣ въ рѣчи поддерживать и какъ бы приостановить смыслъ (что у Грамматиковъ называется препинаніями), и когда кончить. Напримѣръ здѣсь: *пою оружій звукъ и подвиги героя*, смыслъ пріостанавливается; ибо слова *подвиги героя* относятся къ слѣдующему смыслу: *что первый, какъ легла во прахъ отъ Грековъ Троя*. И здѣсь пріостанавливается опять. И хотя есть разница въ томъ, откуда пришелъ, и куда пришелъ, однако раздѣлять смысла не надобно, поелику то и другое заключается въ одномъ глаголѣ, *достичь* (venit). Третія разстановка при словахъ: *Италіи бреговъ* (Italiam), по тому что здѣсь вставливается, *судьбой гонимъ* (fato profugus), и *Италія* отдѣляется отъ *Лавинскихъ береговъ* (Italiam Lavinaque). По той же причинѣ останавливаемся въ третій разъ при словѣ *гонимъ*, напослѣдокъ при словахъ *достигъ Лавинскихъ береговъ* (Lavinaque venit littora). Здѣсь кончится первый смыслъ, который отдѣлить надлежитъ отъ слѣдующаго. Такіе отдѣлы дѣлаются остановками болѣе или менѣе продолжительными, смотря по тому, смыслъ ли тутъ оканчивается, или цѣлая рѣчь. Симъ образомъ послѣ слова *бреговъ* (littora) я пріостановлюсь; а дошедъ до: *И воздвигъ гордыя стѣны Рима* (atque altae moenia Romae), нѣсколько отдохну и начну потомъ новый смыслъ.

Останавливаемся иногда въ цѣлыхъ періодахъ безъ примѣтнаго переведенія духа, какъ, напримѣръ, здѣсь: *Въ собраніи же Римскаго народа, государственный чиновникъ, главный начальникъ всадниковъ*, и проч. Сіи раздѣленные между собою члены заключаютъ, каждый, особенную свою мысль; и какъ составляютъ одинъ періодъ, то при отдѣлахъ ихъ не много останавливаться надобно, дабы не прервать въ немъ связи. Иногда же можно переводить духъ, но такъ, чтобъ то было непримѣтно и какъ бы украдкою: а иначе, если поступимъ въ томъ неискусно, неловко, то будетъ раздѣленіе неправильно, худо, и сдѣлаетъ темноту. Можетъ быть, искусство раздѣлять такимъ образомъ рѣчь примется отъ иныхъ за малость; но, по мнѣнію моему, безъ сего рѣчь потеряетъ всю свою цѣну.

5.) Произношенію весьма много красоты придаетъ голосъ свободный, мужественный, плавный, поводливый, твердый, пріятный, чистый, ясный и внятный. Есть такіе голоса, которые не столько своею звучностію, но какимъ-то особеннымъ свойствомъ нравятся уху, и бываютъ такъ поводливы, что, кажется, всѣ тоны и измѣненія въ нихъ заключаются, и какъ будто цѣлое мусикійское орудіе ими дѣйствуетъ: для сего нужна твердая грудь, и сила дыханія, длинѣ періодовъ не уступающая, и долговременнымъ про-

изношеніемъ не скоро ослабляемая. Тоны голоса самые низкіе и самые высокіе, какъ въ музыкѣ, непристойны Оратору. Ибо и не совсѣмъ ясный тонъ, ни слишкомъ громкій не можетъ тронуть слушателя: и крайне тонкій и безмѣрно звучный, по причинѣ своей неестественности, не способны къ тѣмъ наклоненіямъ, какихъ требуетъ произношеніе, и долго выноситъ напряженіе. Ибо голосъ, какъ струны на музыкальномъ орудіи, чѣмъ ниже, тѣмъ важнѣе и полнѣе: чѣмъ же напряженнѣе, тѣмъ тоньше и пронзительнѣе: самые низкіе тоны не производятъ надлежащаго впечатлѣнія, а самые высокіе могутъ удобно измѣнить себѣ. Итакъ лучше всего держаться среднихъ: когда нужно напряженіе, надобно возвышать, а въ противномъ случаѣ умѣрять.

И дѣйствительно нѣтъ, вопервыхъ, ничего нужнѣе для хорошаго произношенія, какъ ровность голоса, дабы рѣчь наша отъ неумѣстнаго повышенія или пониженія, и отъ смѣшенія короткихъ тоновъ съ долгими, важныхъ съ тонкими, высокихъ съ низкими, не казалась какъ бы припрыгивающею: отъ неровности тоновъ, какъ ноги, рѣчь наша хромать будетъ. Потребно, во вторыхъ, разнообразіе, въ чемъ состоитъ вся сила произношенія. Да не подумаетъ кто, что ровность и разнообразіе не могутъ быть

вмѣстѣ: нѣтъ; первому совершенству противный порокъ есть неровность, а разнообразію такъ называемая *μονοειδὴς*, какъ бы нѣчто одинъ и тотъ же видъ представляющая.

Сверхъ того, что разнообразіе придаетъ много пріятности произношенію, возобновляетъ еще вниманіе слушателя, и перемѣною труда облегчаетъ и самаго Оратора; ибо какъ стоять, ходить, сидѣть, лежать принимаемся попеременно, не вынося долго ни котораго изъ сихъ положеній. Но всего важнѣе (о чемъ вскорѣ говорить будемъ) и нужнѣе соображать голосъ съ предметами слова и съ настоящимъ расположеніемъ духа нашего, дабы одно другому отнюдь не противорѣчило.

Итакъ всемѣрно избѣгая того единообразнаго произношенія, которое Греки называютъ *μονοτονία*, не только остерегаться должны, чтобъ не говорить обо всемъ съ крикомъ, что дѣлаютъ одни безумные; не употреблять тоновъ необыкновенныхъ на выраженіе того, чѣмъ никакого впечатлѣнія произвести не можно; не произносить слишкомъ тихо или шепотомъ, чѣмъ также теряется вся живость рѣчи: но нужно наблюдать, въ тѣхъ же мѣстахъ и въ тѣхъ же движеніяхъ, нѣкоторыя не столь рѣзкія наклоненія голоса, смотря по достоинству словъ, или по свойству мыслей, или по началу

и концу періодовъ, или по переходу отъ одного предмета къ другому: какъ древніе живописцы, хотя употребляли одну и туже краску на писаніе картинъ, однако инымъ мѣстамъ или частямъ давали болѣе яркости, инымъ менѣе; безъ чего они не были бы въ состояніи дать членамъ ни вида, ни свойственнаго имъ очерка.

Возмемъ, напримѣръ, начало прекрасной рѣчи Цицероновой за Милона: не при всякомъ ли почти словѣ въ одномъ и томъ же періодѣ, надобно перемѣнять тонъ, и даже лице? *Хотя и опасаюсь, судіи, не можетъ ли послужить къ моему предосужденію, что, начиная говорить за мужа великодушнѣйшаго, нѣкоторый страхъ ощущаю.* Вотъ выраженія скромныя и униженныя, какія пристойны въ приступѣ, и въ приступѣ еще человѣка, находящагося въ немаломъ затрудненіи. Однако Цицерону, безъ сомнѣнія, надлежало принять надежнѣйшій тонъ, произнося, *за мужа великодушнѣйшаго*, нежели при словахъ, *хотя опасаюсь; къ моему предосужденію; нѣкоторый страхъ ощущаю.* Въ другой же части періода надобно ему было возвысить голосъ по извѣстному усилію, съ какимъ обыкновенно смѣлѣе продолжать рѣчь стараемся, и которымъ великодушіе Милона доказывается: *И чтобъ не вмѣнилось мнѣ сіе въ предосужденіе, когда самъ Т. Анній безпокоится болѣе о Республикѣ, нежели*

о самомъ себѣ. Потомъ, какъ будто въ упрекъ себѣ, прибавляетъ: *а я съ равнымъ великодушіемъ не могу защищать дѣла его.* А послѣ въ укоризну судьямъ: *однако новый образъ новаго судопроизводства устрашаетъ взоры.* За тѣмъ уже говоритъ съ твердостію: *куда ни обратятся они, нигдѣ не видятъ древнихъ обрядовъ въ судилищѣ и прежняго при разбирательствѣ дѣлъ обыкновенія.* Напослѣдокъ уже со всею смѣлостію: *ибо ваше здѣсь присутствіе не окружено толпою народа, какъ прежде всегда водилось.* Я сдѣлалъ примѣръ такого замѣчанія на тотъ конецъ, дабы показать, что не только во всѣхъ статьяхъ, рѣчь составляющихъ, но даже въ членахъ и частицахъ самыхъ періодовъ, долженъ быть различный образъ произношенія: безъ чего не льзя означить разницы между чѣмъ либо меншимъ и бо́льшимъ.

Но и напрягать голосъ выше силъ не надобно. Отъ такого усилія онъ часто пресѣкается, становится неяснымъ, и отъ перерывовъ подобится иногда непріятному пѣнью молоденькихъ пѣтуховъ, также излишне скорымъ выговоромъ не надлежитъ сливать или не договаривать словъ; отъ чего рѣчь теряетъ внятность и дѣйствіе. Противный сему порокъ есть безмѣрная медленность: она показываетъ трудность въ припамятованіи, наводитъ слушателямъ скуку, и, что

еще хуже, протекаетъ между тѣмъ время, и часы, назначенные для судейскаго засѣданія, проходятъ.

Выговоръ долженъ быть скоръ, но не стремителенъ; умѣренъ, а не медленъ. Переводить духъ также не надобно, ни такъ часто, чтобъ рѣчь не прерывалась: ни такъ рѣдко, чтобъ дыханіе вовсе наконецъ ослабѣло. Ибо такое истощеніе духа весьма непріятно, и походитъ на дыханіе человѣка, долго бывшаго подъ водою; онъ и получаетъ его съ большимъ трудомъ и безвременно; ибо дѣлаетъ то не по собственному хотѣнію, а по нуждѣ. По чему, готовясь произнести длинный періодъ, надобно напередъ собраться съ духомъ, однако такъ, чтобъ то не слышно и непримѣтно было: въ прочихъ же мѣстахъ можно отдыхать при связяхъ рѣчи.

Надобно прибѣгать къ рачительному упражненію, чтобъ сдѣлать дыханіе продолжительнѣйшимъ, сколько можно. Для сего Димосѳенъ имѣлъ привычку однимъ духомъ прочитывать, и даже обратно, по стольку стиховъ, по скольку вынести могъ; а чтобъ свободнѣе произносить слова, то находясь дома, клалъ подъ языкъ маленькіе камешки, и такимъ образомъ прочитывалъ свои рѣчи.

У иныхъ бываетъ дыханіе довольно длинное, полное и незатруднительное, но не твердое и

дрожащее, какъ въ тѣлахъ, на взглядъ здоровыхъ, но жилами ослабѣвшихъ. Греки называютъ *Βϱάγχον*. Другіе не принимаютъ, а втягиваютъ воздухъ сквозь скважины зубовъ съ нѣкоторымъ свистѣніемъ. Иные частымъ дыханіемъ и испуская тяжелые вздохи, уподобляются вьючному скоту, подъ бременемъ изнемогающему: они дѣлаютъ сіе и по тому, дабы показать, что они такъ обильны мыслями, и что уста ихъ не могутъ быть достаточны для стремительнаго ихъ краснорѣчія.

А нѣкоторые имѣютъ такую затруднительность въ выговорѣ, что какъ будто борются со словами. Нѣтъ же ничего непристойнѣе, какъ кашлять, часто плевать, харкать, брызгать на другихъ слину, и бо̀льшую часть дыханія испускать ноздрями: о всѣхъ сихъ порокахъ, хотя не прямо относятся къ голосу, но поелику происходятъ для голоса, здѣсь упомянуть мнѣ показалось ненеприличнымъ.

Но всего несноснѣе для меня то, что и въ школахъ и судилищахъ произносятся рѣчи, такъ сказать, на распѣвъ: я не нахожу ничего безполезнѣе и непристойнѣе. Ибо что̀ меньше приличествуетъ Оратору, какъ театральное произношеніе, и иногда похожее на возгласы пьяныхъ или пиршествующихъ своевольниковъ? Что̀ можетъ быть недѣйствительнѣе для возбужденія страстей,

какъ, когда надобно внушить соболѣзнованіе, гнѣвъ, негодованіе, сожалѣніе, не только отъ сихъ чувствованій, которыя произвести въ судьяхъ нужно, удаляться, но и нарушать святость мѣста судилищнаго вольностію, достойною тѣхъ Ликійскихъ и Карійскихъ Риторовъ, кои, какъ говоритъ Цицеронъ, пѣли даже въ своихъ Эпилогахъ.

Нынѣ уже никакой мѣры не хранимъ въ семъ пѣніи. Естественно ли, когда дѣло идетъ не только о человѣкоубивствѣ, святотатствѣ, отцеубивствѣ, но и при разбираніи счетовъ и росписокъ по дѣламъ опеки, естественно ли наконецъ излагать всякую тяжбу пѣніемъ? Если уже надобно слѣдовать такому обыкновенію, то я не вижу причины, для чего бы къ голосу не прибавлять и звуковъ мусикійскихъ, къ сему злоупотребленію еще ближе подходящихъ? Однако мы охотно на сіе подаемся. Ибо всякому пріятно то, что самъ поетъ; и сіе сдѣлать легче, нежели произносить рѣчь пристойнымъ образомъ. Есть даже и между слушателями такіе люди, кои, по обыкновенной развращенности нравовъ, ищутъ и здѣсь удовольствій для слуха своего. Чтожъ, скажутъ мнѣ, развѣ не говоритъ Цицеронъ, что въ произношеніи есть нѣкоторый родъ потаеннаго пѣнія? И сіе происходитъ отъ естественнаго недостатка. Я покажу ниже,

гдѣ и до какой степени прилично такое наклоненіе голоса, или родъ пѣнія, но пѣнія потаеннаго; чего многіе понимать не хотятъ.

4.) Уже время изъяснить, въ чемъ состоитъ приличіе въ произношеніи. Безъ сомнѣнія, самое приличное произношеніе есть то, которое приспособляется къ вещамъ, о коихъ говоримъ: къ сему наиболѣе способствуютъ внутреннія движенія души; голосъ обыкновенно имъ послѣдуетъ. Но какъ есть чувствованія истинныя, есть и подложныя или только подражаемыя: то истинныя сами собою обнаруживаются, какъ-то печаль, гнѣвъ, негодованіе; въ нихъ нѣтъ искуства, а по сему и правила здѣсь не нужны. Напротивъ, чувствованія подражаемыя требуютъ искуства, но тутъ природа не участвуетъ, и для того надлежитъ прежде всего, такъ сказать, напитаться ими, живо вообразить предметы, и поражаться ими такъ, какъ бы предъ глазами у насъ они находились: тогда голосъ, какъ посредникъ чувствованій, произведетъ въ судьяхъ то же самое расположеніе, какое заимствовалъ въ душѣ нашей. Ибо онъ есть указатель внутреннихъ движеній, и какъ бы живое изображеніе души, способенъ ко всѣмъ перемѣнамъ, какія въ душѣ происходятъ.

Итакъ при случаяхъ радостныхъ, голосъ бываетъ полонъ, свободенъ, простъ, и весело

шечешъ, какъ бы самъ собою: въ жаркихъ же спорахъ дѣлаешъ усиліе всѣми своими органами: въ гнѣвѣ свирѣпъ, суровъ, ошрывисшъ, и часшымъ дыханіемъ сопровождаешся: поелику оно изливаешся со сшремишельносшію. Когда хошимъ къ кому нибудь внушишь ненависшь или ошвращеніе, голосъ долженъ бышь нѣсколько медленъ по шой причинѣ, чшо шакое расположеніе души по бо́льшей часши прилично шолько шѣмъ, кои другихъ ниже: при ласкашельсшвѣ же, въ признаваніи винносши, въ предложеніи удовлешворенія, въ просьбахъ, шихъ, кропокъ и покоренъ: у совѣшующихъ, увѣщевающихъ, обнадеживающихъ и ушѣшающихъ, важенъ: при изъявленіи сшраха и сшыдливосши, слабъ, запинчивъ, боязливъ: при выговорахъ и насшавленіи швердъ и силенъ: при пренiяхъ скоръ, проворенъ: при соболѣзнованіи нѣженъ, печаленъ и какъ бы нарочно шоменъ: когда же понадобишся ошсшупишь въ рѣчи ошъ своего предмеша, нуженъ голосъ свободный, ясный и надежный; въ расказываніи и обыкновенномъ разговорѣ плавенъ, между громкимъ и важнымъ средній: при возбужденіи сшрасшей возвышаешся, при ушишеніи понижаешся больше или менше, смошря по силѣ чувсшвованій.

IV. Я вскорѣ покажу, гдѣ и какой шонъ голоса въ рѣчи приличенъ; мнѣ нужно прежде сказашь нѣчшо о шѣлодвиженіи, кошорое сообразуеш-

ся съ голосомъ, и также, какъ и онъ, повинуется душевнымъ чувствованіямъ.

Сколь важно для Оратора тѣлодвиженіе, довольно явствуетъ и изъ того, что имъ выражается многое безъ помощи словъ. Ибо не только мановеніемъ руки, но и малѣйшимъ наклоненіемъ головы изъявляется наша воля, и у нѣмыхъ замѣняется употребленіе слова. Часто одинъ поклонъ и безъ рѣчей бываетъ вразумителенъ; изъ лица и походки познается расположеніе духа; даже въ животныхъ безсловесныхъ гнѣвъ, радость, ласка глазами и нѣкоторыми другими знаками тѣла изъявляются. И не дивно, что сіи знаки, впрочемъ одушевленные, производятъ въ насъ такое впечатлѣніе, когда живопись, твореніе нѣмое, и всегда въ одномъ положеніи пребывающее, поражаетъ насъ иногда такъ сильно, что, кажется, и самыми словами сдѣлать того не возможно.

Напротивъ, когда тѣлодвиженіе и видъ лица не соотвѣтствуютъ рѣчи, говоря о случаѣ печальномъ, будемъ показывать веселость, и что нибудь утверждая, употребимъ знаки отрицанія; тогда слова наши потеряютъ не только всю силу, но и самое вѣроятіе.

Толь нужное благоприличіе зависитъ также отъ движенія всего тѣла. По сему-то Димосѳенъ готовился произносить рѣчи свои всегда предъ

огромнымъ зеркаломъ, полагая, что, хотя въ зеркалѣ и не во всемъ точно изображается положеніе наше, но лучше хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ въ разсужденіи дѣйствія, какое намѣревался произвести въ слушателяхъ.

И особенно голова, какъ превосходнѣйшая часть человѣческаго тѣла, весьма много способствуетъ къ тому благоприличію, о которомъ я говорю, и къ приданію другихъ красотъ слову. Вопервыхъ, должно держать ее прямо и въ естественномъ положеніи. Ибо потуплять означаетъ низость, поднимать высоко, гордость, склонять на сторону, небрежность, а имѣть въ неподвижномъ положеніи, есть знакъ нѣкоторой дикости ума.

Вовторыхъ, движенія ея надлежитъ соображать съ самымъ дѣйствіемъ такъ, чтобы она слѣдовала за всѣми движеніями Оратора. Она всегда обращаться должна въ ту же сторону, куда обращается рука въ своемъ дѣйствіи, исключая случаи, гдѣ нужно будетъ или отрицать, или отвергать, или показывать къ чему ужасъ и отвращеніе. Тогда и лице какъ будто отвращаемъ отъ того, что устраняемъ отъ себя рукою; какъ напримѣръ:

.... *Dij, talem terris avertite pestem,*

И, *Haud equidem tali me dignor honore.*

Головою многое означать можно. Ибо кромѣ изъявленія согласія, отказа, утвержденія и отрицанія, означаемъ ею также стыдливость, сомнѣніе, удивленіе, негодованіе: сей способъ извѣстенъ всѣмъ, и всѣмъ есть общій.

Однако непрестанное движеніе головы почиталось за порокъ и театральными искусниками. И частое киваніе также есть не малый недостатокъ: вздымать голову вверхъ или закидывать назадъ, взмахивать волосами свойственно только фанатику или бѣснующемуся.

Всего же выразительнѣе лице. Имъ изъявляемъ просьбы, угрозы, ласку, печаль, веселіе, высокомѣріе, покорность: на него смотритъ, его разбираетъ съ любопытствомъ слушатель прежде, нежели говорить начнемъ: изъ него видна къ кому либо и любовь и ненависть; оно показываетъ болѣе, нежели рѣчь наша: оно часто замѣняетъ всѣ выраженія слова. По сему-то въ театральныхъ представленіяхъ заимствуютъ комедіанты чувствованія свои отъ личинъ, которыя надѣваютъ на себя, чтобы въ трагедіи представить Ніобу печальною, Медею жестокою, Аякса изумленнымъ, Геркулеса неистовымъ. Въ комедіяхъ же, кромѣ того, что каждое лице отъ другаго отличается личинами, какъ то рабы, прихлебатели, селяне, воины, старухи, непотребныя дѣвки, служанки, старики строгіе и крот-

кіе, юноши порядочнаго и распутнаго поведенія, и проч.: кромѣ сихъ, говорю, отличій, сей отецъ, который представляетъ главное лице, поелику ему надобно быть то сердитымъ, то снисходительнымъ, представляется намъ съ одною бровію, сурово вверхъ поднятою, а съ другою внизъ тихо опущенною. И такимъ образомъ особенно наши комедіанты имѣютъ обычай предварять зрителей, какое лице представлять они будутъ.

Но и самое лице наибо́льшую значительность имѣетъ въ глазахъ, въ которыхъ изображается душа наша такъ живо, что и при неподвижности ихъ отъ радости свѣтлѣютъ, а отъ печали тускнутъ. Природою даны имъ еще слезы, какъ истолкователи внутреннихъ чувствованій; онѣ отъ скорби и радости невольно вырываются. Когда же они въ движеніи, то дѣлаются или живы, или томны, или горды, или свирѣпы, или тихи, или грозны: тогда Ораторъ долженъ управлять ими, смотря по обстоятельствамъ. Но взглядъ изступленный и страшный, слабый и спящій, безстыдный, сладострастный, и какъ бы требующій, или что либо требующій, есть такой недостатокъ, коего всемѣрно остерегаться надобно. Говорить же, закрывъ глаза, развѣ одинъ дуракъ вздумаетъ. Въ сихъ движеніяхъ дѣйствуютъ нѣкоторымъ образомъ также рѣсницы и щеки.

Много силы заключаютъ въ себѣ и брови; ибо онѣ, кромѣ того, что даютъ глазамъ нѣкоторую форму, приводятъ и чело въ извѣстное положеніе. Ими оно наморщивается, надымается, опускается: такъ что одна и таже вещь производитъ на немъ не одно дѣйствіе, то есть, самая кровь, которая движется сообразно душевнымъ чувствованіямъ, когда ее стыдъ разгорячаетъ, покрываетъ чело краскою; при страхѣ, какъ бы скрывается и оставляетъ на немъ блѣдность; въ состояніи же умѣренномъ производитъ тихую веселость. Порокъ въ бровяхъ бываетъ, когда онѣ или совсѣмъ неподвижны, или слишкомъ подвижны, или неровны такъ, что одна поднимается вверхъ, другая внизъ, какъ я сказалъ [redacted] театральныхъ маскахъ, или движеніемъ не согласуются съ предметомъ нашей рѣчи. Ибо бровями наморщенными печаль, растянутыми веселость, опущенными стыдъ означается. При утвержденіи и отрицаніи, онѣ также иногда вздымаются или опускаются.

Носъ и губы рѣдко могутъ способствовать къ благопристойному произношенію; хотя [redacted] служатъ они обыкновенно къ означенію насмѣшекъ, презрѣнія и отвращенія. Ибо приводить носъ [redacted] непрестанное движеніе, или надувая ноздри, какъ говоритъ Горацій, или дотрогиваясь поминутно пальцами, или стремительно испускать и при-

нимать носомъ воздухъ, или ладонью вздымать его вверхъ, противно благопристойности: даже и частое сморканье не безъ причины почитается за неприличное.

Дурно также или отпячивать, сжимать, растягивать и открывать губы такъ, чтобъ видны были зубы, или съ презорчивостiю закусывать или небрежно вѣшать, опускать ихъ, и голосъ издавать съ одной только стороны. Также кусать ихъ и облизываться весьма непристойно: въ произношенiи словъ движенiе губъ должно быть умѣренно; поелику надлежитъ говорить устами болѣе, нежели губами.

Голову надобно держать прямо, но не слишкомъ высоко или поникло. Равно безобразитъ, когда протягивается и нагибается шея; если протягиваемъ ее, то можетъ послѣдовать затрудненiе въ голосѣ. А ежели подбородокъ будетъ касаться груди, то голосъ, при сжатiи горла, сдѣлается принужденнымъ и неяснымъ.

Вздымать или пожимать плечами рѣдко можно съ благопристойностiю. Ибо укорочивается чрезъ то шея, и положенiе наше представляетъ нѣчто подлое, рабское, и даже нѣчто коварное. Такое положенiе изъявляетъ болѣе, ласкательство, удивленiе и боязнь.

Умѣренное протяженiе всей руки, безъ движенiя плечами, при прямомъ простертiи паль-

цевъ, наиболѣе приличествуетъ такимъ въ рѣчи мѣстамъ, которыя должны быть произносимы безъ остановки и со стремительностію. Но если надобно выразить что нибудь благовиднѣе и пышнѣе, какъ напримѣръ, оныя слова Цицерона о Стихотворцѣ Архіи: *камни и пустыни голосу его отвѣтствуютъ*, тогда Ораторъ можетъ распростерть свои руки на всѣ стороны, и самая рѣчь, при такомъ тѣлодвиженіи, покажется какъ бы вмѣстѣ свободно текущею.

Безъ содѣйствія рукъ всякая рѣчь слаба и недостаточна. Едва можно исчислить всѣ движенія, къ которымъ онѣ способны: нѣтъ почти слова, коего выразить ими было бы не льзя. Прочія части помогаютъ только говорящему; а сіи сами, такъ сказать, почти говорятъ. Не руками ли требуемъ, обѣщаемъ, призываемъ, отсылаемъ, грозимъ, умоляемъ, показываемъ отвращеніе и страхъ, вопрошаемъ, отвергаемъ? Не ими ли изъявляемъ радость, печаль, сомнѣніе, признаніе, раскаяніе, количество, образъ, число, время? Не ими ли возбуждаемъ, просимъ, запрещаемъ, одобряемъ, удивляемся, выражаемъ стыдливость и другія чувствованія? Въ показаніи мѣстъ и лицъ не замѣняютъ ли онѣ нарѣчій и мѣстоименій? Такъ что между многоразличіемъ языковъ у всѣхъ племенъ и народовъ рука есть, кажется, образъ изъясненія, общій всѣмъ людямъ.

И сіи движенія, о которыхъ я говорилъ, сопутствуютъ голосу естественнымъ образомъ. Есть же иныя, коими означаются вещи посредствомъ подражанія; напримѣръ, когда захочешь показать, что кто нибудь боленъ, представишь изъ себя лѣкаря, щупающаго пульсъ, или когда вздумаешь означить музыканта, сложивъ пальцы на образъ готовящагося ударить по струнамъ. Таковый родъ тѣлодвиженій долженъ быть совсѣмъ изгнанъ изъ Ораторскаго дѣйствія. Ибо между Ораторомъ и плясуномъ должна быть великая разность: ему надобно тѣлодвиженія свои приспособлять болѣе къ мыслямъ, нежели къ словамъ: что даже наблюдается и отъ комическихъ акторовъ, кои поблагоразумнѣе. Итакъ хотя я и не отвергаю, что Ораторъ можетъ обращать руку на свое лице, говоря о самомъ себѣ, и указывать на того, кого означить ему надобно, и тому подобное: но не одобряю, чтобъ онъ подражалъ всякому положенію, и все, что ни говоритъ, представлялъ своимъ тѣлодвиженіемъ.

И сіе не только въ рукахъ, но и въ каждомъ движеніи тѣла и въ голосѣ, наблюдать надлежитъ. Напримѣръ, при сихъ словахъ (7. Verr. 85.): *Преторъ народа Римскаго стоялъ на берегу въ Греческой обуви*, отнюдь неприлично для Оратора положеніе Верреса, обнимавшагося съ не-

потребною женщиною: или при словахъ: *былъ сѣченъ розгами на площади Мессинской*, непристойно показывать движенія обыкновеннаго палачу, или притворять голосъ, побоями исторгаемый. Мнѣ кажется, что очень худо дѣлаютъ и комедіанты, которые хотя бы представляли молодаго человѣка, но когда случится приводить рѣчи старика, какъ-то въ Гидріи (*), или женщины, какъ въ Георгѣ, произносить слова дрожащимъ, либо женскимъ голосомъ. Слѣдовательно есть худое подражаніе и въ тѣхъ самихъ, коихъ все искуство состоитъ въ подражаніи....

Но всего лучше начинать движеніе рукою съ лѣвой стороны, а оканчивать на правой, но такъ, чтобъ рука казалась остановившеюся, а не біющею, не ударяющею: хотя при концѣ иногда упадаетъ, но скоро опять поднимается, и особливо, когда отрицаемъ или удивляемся.

Здѣсь древніе искусники справедливо прибавляютъ и то, чтобъ рука и начинала и переставала дѣйствовать вмѣстѣ съ мыслію. Поелику иначе тѣлодвиженіе будетъ прежде или послѣ рѣчи: то и другое нелѣпо. Искусники сіи повредили отъ излишней тонкости, полагая, что между движеніями должно быть не болѣе разстановки, какъ на три слова; но сіе не наблю-

(*) Названіе нѣкоторыхъ Греческихъ комедій.

дается, да и соблюсть этаго не можно. Они, кажется, хотѣли только опредѣлить нѣкоторую мѣру медленія и скорости, дабы и въ самомъ дѣлѣ, рука или не оставалась долго праздною, какъ многіе дѣлаютъ, или бы все дѣйствіе не изкажалось непрерывнымъ движеніемъ...

Поднимать руку выше глазъ и опускать ниже груди запрещаютъ искусные наставники. По чему возносить ее выше головы и протягивать ниже живота почитается за порокъ..

Одна лѣвая рука никогда не можетъ произвесть порядочнаго движенія: она часто приноравливается къ правой, когда или по пальцамъ исчисляемъ доказательства, или, выставивъ влѣво или прямо ладони обѣихъ рукъ, изъявляемъ къ чему либо отвращеніе, или простираемъ ихъ на обѣ стороны, или когда соединяемъ ихъ въ знакъ признанія нашего или прощенія...

Надобно остерегаться, чтобъ груди и живота не вытягивать впередъ. Ибо тогда все тѣло опрокидывается назадъ; а такое положеніе во всякомъ случаѣ непристойно. Бока должны соотвѣтствовать всѣмъ движеніямъ. Есть движенія всего тѣла, также весьма выразительныя; и Цицеронъ приписываетъ имъ больше участія въ дѣйствіи, нежели самымъ рукамъ. Онъ говоритъ въ своемъ Ораторѣ (n. 59.): *Не надобно шевелить пальцами, не бить ими мѣры; все тѣло*

надлежитъ приспособлять къ дѣйствію мужественнымъ чреслъ движеніемъ.

Бить себя по бедрамъ первый ввелъ въ обыкновеніе Клеонъ въ Аѳинахъ, и нынѣ еще у нѣкоторыхъ въ употребленіи. Сіе приличествуетъ негодующимъ, и служитъ къ возбужденію вниманія въ слушателяхъ. И самъ Цицеронъ говоритъ (Брут. 278.), что этаго именно не доставало въ Каллидіѣ: онъ не ударялъ себя ни по челу, ни по бедрамъ, ниже топалъ ногами, что есть всего маловажнѣе. Но въ разсужденіи чела я съ нимъ, если смѣю сказать, не согласенъ. Да и хлопать руками и ударять себя въ грудь принадлежитъ болѣе театральному дѣйствію...

Удареніе ногою умѣстно, какъ замѣчаетъ (3. de Orat. 220.) Цицеронъ, при началѣ и концѣ споровъ; но часто повторять оное есть дѣло человѣка неразумнаго, и отвращаетъ отъ него вниманіе судей. Равно непристойно качаться тѣломъ, то вправо, то влѣво, и стоять, то на одной ногѣ, то на другой попеременно...

Поднимать непрестанно плечи есть также порокъ, который, какъ сказываютъ, исправилъ въ себѣ Димосѳенъ тѣмъ, что, становясь въ нѣкоторомъ тѣсномъ мѣстѣ, и повѣсивъ надъ плечами острое копье, произносилъ свои рѣчи, дабы, если въ жару вырвется у него такое движеніе, то остріе желѣза служило бы ему напоминаніемъ...

Для Оратора нѣтъ особенной одежды; но ему потребно въ томъ наиболѣе приличія. По чему онъ долженъ быть одѣтъ, какъ всѣ порядочные люди, то есть, опрятно, чисто, но благородно и мужественно. Ибо какъ излишнее попеченіе о платьѣ, обуви и прическѣ волосовъ, такъ и нерадѣніе о томъ, равно хулы достойны.

V. Таковы суть правила, для пріобрѣтенія совершенства и для избѣжанія недостатковъ въ произношеніи служащія! Принявъ оныя въ разсужденіе, Ораторъ о многомъ помыслить долженъ: вопервыхъ, о чемъ, передъ кѣмъ, въ чьемъ присутствіи говорить готовится. Ибо какъ говорить, такъ и дѣлать приличнѣе одно предъ тѣми, нежели предъ другими: не одинаковый голосъ, не одинаковое тѣлодвиженіе или поступь приличны предъ Государемъ, Сенаторомъ, народомъ, судіею, въ дѣлѣ общественномъ, частномъ, въ судѣ формальномъ и простомъ объявленіи. Такое различіе представить себѣ всякъ можетъ, если хорошенько вникнетъ. Потомъ разсмотритъ дѣло, о коемъ говорить ему надобно, и цѣль, какую себѣ предположитъ.

Дѣло разсматривается съ четырехъ сторонъ: сперва все дѣло вообще. Ибо иныя дѣла требуютъ печали, другія веселости; однѣ опасенія, другія довѣренности; иныя важны или малозначущи; но не надлежитъ заниматься частными

подробностями дѣла до того, чтобы забыть о цѣломъ. Вовторыхъ, принять въ разсужденіе различіе частей рѣчи, какъ-то приступъ, повѣствованіе, подтвержденіе, заключеніе. Въ третьихъ, смотрѣть на самыя мысли, которыя, смотря по свойству вещей и чувствій, различно выражаются. Въ четвертыхъ, взвѣшиваются слова, въ произношеніи коихъ погрѣшимъ, если захотимъ выговаривать каждое сообразно его смыслу, а нѣкоторыя потеряютъ всю свою силу, когда не выразимъ ихъ значительности.

1). Итакъ въ словахъ похвальныхъ, если онѣ не надгробныя, въ принесеніи благодарности, въ увѣщаніяхъ и другихъ подобныхъ рѣчахъ, дѣйствіе должно быть веселое, пышное, возвышенное: въ надгробныхъ же, въ утѣшеніяхъ и въ большей части уголовныхъ дѣлъ, оно бываетъ печально, скромно и униженно, смиренно. Въ Сенатѣ наблюдается важность, предъ народомъ достоинство, въ частныхъ сдѣлкахъ умѣренность.

2). О частяхъ судной рѣчи, о мысляхъ и выраженіяхъ, которыя суть многообразны, будемъ говорить пространнѣе. Въ произношеніи же долженъ Ораторъ предполагать себѣ тройственную цѣль: снискать благосклонность отъ судей, убѣдить, тронуть ихъ, и слѣдовательно имъ понравиться. Благосклонность снискивается, или

извѣстною честностію нравовъ Оратора, которая даже въ самомъ голосѣ и во всемъ дѣйствіи его, не знаю какъ то обнаруживается, или пріятностію и красотою рѣчи. Убѣждается судья нѣкіимъ тономъ увѣрительности со стороны Оратора; такая увѣрительность иногда сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самыя доказательства. *Ежели бы все это было справедливо*, говоритъ Цицеронъ Каллидію, *могъ ли бы ты произнести сіе такимъ голосомъ?* И на другомъ мѣстѣ: *мы не только не тронулись, но едва не уснули при твоемъ повѣствованіи.* Итакъ Оратору надлежитъ показать подобную надѣянность на самаго себя и твердость, и особливо когда находится въ нѣкоторомъ уваженіи. Трогается же судія посредствомъ изображенія чувствуемыхъ Оратором страстей, или искусно подражая онымъ.

Итакъ, когда судья, при разбирательствѣ частныхъ споровъ, или глашатай, при судѣ государственныхъ дѣлъ, подастъ Оратору знакъ начинать рѣчь, надлежитъ встать съ своего мѣста со всякою скромностію; потомъ оправить свою тогу или, если потребуетъ надобность, и надѣть ее, но сіе дѣлать только въ судахъ обыкновенныхъ; ибо предъ Государемъ, предъ судіями и въ судилищахъ высшаго достоинства, было бы то не пристойно; послѣ немного пріостановиться, и приведя свою одежду въ пристойное

положеніе, употребить нѣкоторое время, какъ будто на размышленіе. И даже обратясь къ судьямъ и получивъ отъ Претора позволеніе говорить, не вдругъ начинать рѣчь, а нѣсколько подумать. Ибо слушателю всегда пріятно видѣть въ Ораторѣ такое внимательное приготовленіе, а судья между тѣмъ усугубляетъ свое вниманіе. Гомеръ подаетъ намъ наставленіе примѣромъ Улисса, котораго представляетъ стоящаго съ потупленными въ землю глазами, держащаго неподвижно въ рукахъ скипетръ, прежде нежели излилъ онъ потокъ краснорѣчія изъ устъ своихъ. Въ семъ медленіи есть нѣкоторыя не неприличныя, какъ называютъ театральные искусники, остановки, напримѣръ, гладить себя по головѣ, посмотрѣть на руки, влагать одну въ другую, показывать видъ заботливости, изъявлять безпокойство вздохами; словомъ, что̀ гдѣ кому пристойнѣйшимъ покажется. И сіе продолжать до тѣхъ поръ, доколѣ судья совершенно не обратитъ на насъ своего вниманія.

Стоять должно прямо: ноги держать въ нѣкоторомъ одну отъ другой разстояніи, или лѣвою немного выступивъ впередъ: колѣна выпрямить также, но не вытягивать принужденно: плеча должны быть ровны, лице важно, но не угрюмо, не изумленно, не томно: руки отъ боковъ умѣренно удаленны: лѣвая должна быть

въ означенномъ нами положеніи, а правая, когда надобно начинать, нѣсколько простерта впередъ чрезъ самое скромное движеніе, какъ бы въ ожиданіи повелѣнія говорить.

Къ непростительнымъ недостаткамъ дѣйствія относится подымать глаза вверхъ и смотрѣть въ потолокъ; потирать лице рукою и дѣлать угрюмый видъ; наморщивать лобъ отъ самонадѣянности, или, чтобъ еще показаться безобразнѣе, нахмуривать брови: заглаживать воло[redacted] спереди назадъ, чѣмъ еще несноснѣе дѣлается наружность; перебирать непрестанно пальцы [redacted] шевелить губами, какъ-то весьма часто дѣлаютъ Греки: громко кашлять и харкать; одну ногу выставлять далеко впередъ; часть тоги поддерживать лѣвою рукою; стоять, вытянувшись, неподвижно, или наклонясь или опрокинувшись назадъ, или подымая плеча до самыхъ ушей, по обыкновенію бойцовъ, готовящихся вступить въ сраженіе.

Чтожъ касается до частей рѣчи, въ Приступѣ весьма часто приличествуетъ тихое произношеніе; ибо ничто такъ много [redacted] предваряетъ въ нашу пользу, какъ скромность: однако не всегда; и [redacted] уже показалъ, что Приступы не одинакимъ образомъ произносятся. Но по большей части умѣренный тонъ голоса, благопристойныя тѣлодвиженія, тога, [redacted] плечь не спу-

щенная, легкое на обѣ стороны наклоненіе всего тѣла, и направленіе взоровъ на надлежащіе предметы, приличны приступамъ.

Въ Повѣствованіи должна быть рука болѣе простерта, одежда не такъ подобрана, тѣлодвиженіе явственно, голосъ похожій на обыкновенную рѣчь, только яснѣйшій и простѣйшій, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ симъ повѣствованіямъ: *Итакъ Квинтъ Лигарій, когда еще не было ни малѣйшаго знака, никакого подозрѣнія къ войнѣ:* или: *Клуенцій Авитъ, отецъ сего юноши, и прог.* Но въ слѣдующихъ мѣстахъ потребно или чувствіе или негодованіе: *Теща выходитъ замужъ за своего зятя;* или чувствіе сострраданія: *Учреждается на площади Лаодицейской позорище жестокое, варварское, приводящее въ жалость всю провинцію Азіи.*

Доказательства требуютъ различнаго и многообразнаго дѣйствія. Ибо предлагать, раздѣлять, вопрошать и возражать на слова соперника, не много разнится отъ обыкновеннаго разговора. Но и здѣсь иногда произносимъ, насмѣхаясь надъ соперникомъ, иногда передражнивая его. Изложеніе же доводовъ, по большей части, требуетъ живѣйшаго, сильнѣйшаго, настоятельнѣйшаго, и слѣдовательно сообразнѣйшаго съ рѣчью тѣлодвиженія. Надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ускорять оное, и тѣмъ рѣчь свою усиливать.

Отступленія почти всегда произносятся голосомъ тихимъ, плавнымъ, ровнымъ, какъ, напримѣръ, у Цицерона похищеніе Прозерпины, описаніе Сициліи, похвала Кн. Помпею. Да и не дивно, что мѣста, не принадлежащія прямо къ предмету, требуютъ меньше жару и усилій отъ Оратора.

Иногда можно, въ обличеніе соперника, представить слегка его поведеніе въ своемъ дѣйствіи, напримѣръ, произнося сіи слова: *Мнѣ кажется, вижу иныхъ входящихъ, другихъ выходящихъ, а нѣкоторыхъ едва стоящихъ на ногахъ отъ хмѣлю.* Здѣсь можно принаровить къ голосу и движеніе, коимъ показывается нѣкое легкое качаніе, но только въ рукахъ состоящее, а не во всемъ тѣлѣ.

Чтобъ возбудить въ судьѣ негодованіе, есть для сего разные тоны голоса; но самый высокій и самый разительнѣйшій въ Ораторѣ при сихъ словахъ: *Предпріявъ войну, Цезарь, и приведя ее большею частію къ окончанію:* ибо Цицеронъ напередъ сказалъ: *Сколько могу, возвышу голосъ мой, чтобы слышалъ о семъ народъ Римскій.* Нѣсколько низшій тонъ, и заключающій въ себѣ нѣкую пріятность: *Скажи пожалуй, Туберонъ, на кого устремлялъ мечь твой во время Фарсальской битвы?* Есть еще тонъ протяжнѣйшій, важнѣйшій и тѣмъ пріятнѣйшій: *Но въ собраніи*

народа Римскаго, чиновникъ, отправляющій государственную должность! Произнося слова сіи, надлежитъ растягивать каждый слогъ, каждую гласную, съ нѣкоторымъ отверстіемъ рта. Но слѣдующія слова требуютъ сильнѣйшаго голоса (Pro Mil. 85.): *Васъ призываю, Албанскія гробницы и дубравы.* Ибо онѣ походятъ нѣсколько на пѣніе, и чувствительно на устахъ изчезаютъ: (Pro Arch. 15.) *Камни и пустыни отвѣтствуютъ голосу.*

Таковы суть тѣ самыя измѣненія голоса, которыя Димосѳенъ и Есхинъ порицаютъ другъ въ другѣ, но которыхъ для сего вовсе отвергать не должно: ибо взаимная ихъ укоризна явно показываетъ, что у обоихъ были онѣ въ употребленіи. Ибо ни тотъ не клялся тѣнями воиновъ, павшихъ за отечество при Мараѳонѣ, Платеѣ и Саламинѣ, ни другой не оплакивалъ злощастія Ѳивянъ простымъ тономъ.

Кромѣ сего есть еще тонъ голоса, почти внѣ органа происходящій, который Греки называютъ *огорчительнымъ;* онъ чрезвычайно и выше мѣры естественнаго человѣческаго голоса жестокъ: *Для чего не заставите сихъ людей молчать? Для чего попускаете ихъ обнаруживать ваше неразуміе и слабость?* Но здѣсь голосъ выходитъ изъ мѣры только въ первыхъ словахъ: *Для чего не заставите молчать?*

Епилогъ или Заключеніе, когда состоитъ въ исчисленіи преждесказаннаго, требуетъ безостановочнаго и стремительнаго произношенія: когда предполагается возбудить въ судьяхъ негодованіе, то можно употребить какой ни есть тонъ изъ вышепоказанныхъ мною: если надобно смягчить ихъ, то потребенъ тонъ тихій и униженный: а для возбужденія соболѣзнованія нужно наклоненіе голоса плавное, съ печальною умиленностію соединенное, коимъ особенно трогаются сердца, и который весьма естественъ. Ибо мы видимъ, что при самыхъ похоронахъ вдовы и сироты изъявляютъ непритворную скорбь свою воплями и стенаніями, похожими нѣкоторымъ образомъ на музыкальные тоны. Здѣсь голосъ томный и жалобный, каковый, по словамъ Цицерона, былъ и у Антонія, производитъ удивительное дѣйствіе.

Однако болѣзнованіе бываетъ двоякое: иногда смѣшивается съ негодованіемъ, о какомъ я говорилъ по случаю осужденія Филодама; иногда же выражается просьбами и моленіемъ, и тогда изъявляется жалобнѣйшимъ тономъ. Почему хотя и есть нѣкое потаенное пѣніе въ сихъ словахъ: *Но въ собраніи Римскаго народа*; ибо сказалъ это Цицеронъ не браннымъ голосомъ: и *Вы, гробницы Албанскія;* произнесено сіе не въ видѣ, родѣ восклицанія или призыванія; однако въ слѣ-

дующихъ словахъ наклоненіе голоса несравненно ощутительнѣе и выразительнѣе: *О я бѣдный! О я несчастный!* и, *Какой отвѣтъ дамъ дѣтямъ моимъ?* и, *Возвратить меня въ отечество ты могъ, Милонъ, посредствомъ сихъ самыхъ судей: и я въ томъ же отечествѣ и посредствомъ тѣхъ же самыхъ людей удержать тебя не могу?* И когда Цицеронъ присудилъ продать имѣніе К. Рабирія весьма за низкую цѣну: *О несчастное и жестокое объявленіе мое!*

Равно производитъ великое дѣйствіе и то, когда въ Заключеніи, какъ бы изнемогая отъ скорби, объявляемъ ослабѣніе силъ своихъ; сему примѣръ видимъ въ Цицероновой рѣчи за Милона: *Но положимъ конецъ слову; ибо слезы продолжать мнѣ препятствуютъ.* И сіе должно быть произнесено голосомъ, словамъ сообразно.

Есть и другія обстоятельства, которыя могутъ подходить подъ сію же статью, какъ-то: вызываніе умершихъ изъ гробовъ ихъ, представленіе дѣтей малолѣтныхъ и цѣлыхъ семействъ въ печальномъ видѣ, раздраніе одеждъ, и проч. но о семъ говорено было на своемъ мѣстѣ.

3). А поелику и въ другихъ частяхъ рѣчи находится разность, то само собою явствуетъ, что произношеніе надлежитъ сообразовать съ мыслями, какъ мы показали.

4). Но и съ словами должно оно, хотя не всегда, по крайней мѣрѣ иногда согласоваться. Не нужно ли, напримѣръ, реченія *бѣдненькій, слабенькій* произнесть голосомъ уменьшеннымъ, пониженнымъ, а напротивъ *сильный, дерзкій, разбойникъ*, голосомъ возвышеннымъ, громкимъ? Ибо такая сообразность произношенія объясняетъ свойство вещей и придаетъ силу: а иначе, мы иное говорить, и иное мыслить будемъ. И дѣйствительно, не одними ли и тѣми же словами, перемѣнивъ только произношеніе, указываемъ, утверждаемъ, не одобряемъ, отрицаемъ, удивляемся, негодуемъ, вопрошаемъ, насмѣхаемся? Ибо иначе произносится:

Тобой я Царь, тобой Скипетроносный Богъ.
(1. Aen. 82.)

и: *Ты заслужилъ сіе пѣніемъ своимъ?* (3. Eclog. 25.)

и: *Такъ ты Эней?* (1. Aen. 621.)

и, *Робости меня безчестіемъ клейми;*
Меня, Дрансъ, ты обличаешь въ трусости.
(11. Aen. 383.)

Но что много? Пусть всякъ, кто хочетъ, примѣнитъ сіи и другіе примѣры ко всѣмъ ощущеніямъ душевнымъ: и тогда узнаетъ, что я говорю истину.

VI. Присовокуплю здѣсь одно только мое мнѣніе, что, поелику въ дѣйствіи всего больше обращаетъ на себя вниманія благоприличіе, то часто

иное тому, а иное другому пристало. Есть сему какая-то тайная и даже не изъяснимая причина: и, какъ справедливо говорится, что все дѣло вѣнчаетъ, когда дѣлается оно кстати; такъ и безъ науки достигнуть сего, и показать правилами не можно. Въ иныхъ самыя совершенства не имѣютъ пріятности, а въ другихъ и недостатки нравятся.

Мы видѣли, что величайшіе Комики Димитрій и Стратоклъ плѣняли насъ различными дарованіями. Но это не дивно, поелику одинъ превосходно представлялъ лица боговъ, любовниковъ, юношей, добрыхъ отцевъ семейства, слугъ, честныхъ женъ и степенныхъ старушекъ; а другой брюзгливыхъ стариковъ, пронырливыхъ служителей, подлыхъ прихлебателей, наконецъ всѣ роли, гдѣ нужно было болѣе движеній. Они имѣли различныя свойства. Голосъ у Димитрія былъ пріятнѣе, а у Стратокла громче. Еще болѣе замѣтить должно особенные въ каждомъ пріемы, которымъ другой подражать не могъ, напримѣръ, размахивать руками, съ пріятностію произносить частыя восклицанія, входя на театръ, подбирать искусно свою одежду, и дѣлать иногда тѣлодвиженіе правымъ бокомъ, никто, кромѣ Димитрія, не умѣлъ съ такимъ приличіемъ; правда, всему тому способствовала весьма много благовидная его наружность. Въ Стратоклѣ очень

кстати была скорая походка, вертляность, малопристойный для всякаго другаго, но народу нравящійся смѣхъ, и даже всякое кривлянье тѣломъ. Въ другомъ человѣкѣ каждая изъ сихъ черта показалась бы несносною.

По чему для усовершенствованія дѣйствія надлежитъ не только смотрѣть на общія правила, но и совѣтоваться съ собственными свойствами. Однакожъ не льзя почитать за невозможное того, чтобы кто ниесть не соединялъ въ себѣ всѣхъ или многихъ дарованій.

Надобно окончить и сію статью, какъ прочія, тѣмъ, что вездѣ нужна мѣра. Ибо не въ наставленіе Комедіанта, а въ пользу Оратора предлагаю правила. Итакъ оставимъ всѣ тонкости въ тѣлодвиженіи; не станемъ строго наблюдать въ рѣчи всѣхъ раздѣленій, разстановокъ и всѣхъ душевныхъ движеній, будто бы надлежало сказать какъ на театрѣ, слѣдующія, наприм. слова:

Чтожъ мнѣ дѣлать? Или не пойду, когда она меня призываетъ? Или лучше принять намѣреніе совсѣмъ не исполнять прихотей женщинъ непотребныхъ? (Terent. Evnuch. act. I. sc. I.)

Ибо здѣсь Комедіантъ, для показанія своей нерѣшимости, будетъ останавливаться при каждомъ словѣ, перемѣнять голосъ и дѣлать различныя движенія руками и головою.

Рѣчь Ораторская должна быть въ иномъ вкусѣ; она не терпитъ излишнихъ приправъ; ибо состоитъ въ дѣйствіи, а не въ подражаніи. Итакъ по справедливости охуждается произношеніе *манеристое*, скучное неумѣстными тѣлодвиженіями, и измѣненіями голоса какъ бы скачущее. Древніе наши Писатели съ Греческаго слова *ἄσχολον ἀπόκρισιν*, хорошо назвали такое дѣйствіе *многодѣльнымъ*, а слѣдуя имъ, Ленасъ Попилій даетъ ему тоже имя. Итакъ Цицеронъ, который оставилъ намъ сіи правила въ своемъ *Ораторѣ*, въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, правъ неоспоримо. Онъ тоже самое повторяетъ въ разговорѣ подъ заглавіемъ *Брутъ*, говоря о М. Антоніѣ. Но уже нынѣ ввелось дѣйствіе нѣсколько съ бо́льшими движеніями, и даже публика требуетъ того; и оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно прилично. Однако надлежитъ имѣть въ семъ ту предосторожность, чтобъ гоняясь за изяществомъ театральнаго искусника, не лишиться важности честнаго и степеннаго мужа.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расположила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	похвалы	похвалы
95.	4.	соглались	согласились
125.	6.	бытъ	быть
134.	3.	*παῤῥησια.*	*παῤῥησία*
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	што	что
162.	21.	*ισόκωλον*	*ἰσόκωλον*
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нѣкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	печего	нѣчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	ему	ему,
242.	25.	свомъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нерадепіе	нерадѣніе
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нераденіе	нерадѣніе

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произносить	произносять
422.	2.	открываетоя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Оратора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не бoишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стои́тъ	стóитъ
488.	7.	V	Ѵ
490.	20.	къ словамъ	съ словами